

Пёс и Лев

Отформатировано: слева: 5,08 см, справа: 5,08 см,
сверху: 2,54 см

Изобилен осенний листопад в Облачной роще. Вот уже месяц — сквозь горький лиственный запах не чуются даже курения из храма. Казалось бы, и деревьев не так много: бывают обители куда более просторные, с садами и лесами. Но здесь каждое древо — вековое, повеет ветер — листву не вымести за полдня. И снова, снова падает.

Голова распорядителя Хатидзё весь этот месяц занята одними листьями. Мётлы и грабли, тачки и рогожки, всего должно хватить и монахам, и прихожанам, что подметают по обету. И как их всех распределить, чтобы друг другу не мешали. А ещё бывают любители пнуть чужую кучу листвы, проходя мимо. Красиво разлетается.

Да к тому же надо учесть все поступления после урожая. Заложить на хранение в амбары. Начать раздавать долги по урожайным распискам. Приготовить зимнее платье для братии. Выпить со всеми дарителями, кто подвозит брагу, да и с другими — чтобы не обижались. Настоятель успевает лишь молиться за всех. Благодарить в особо важных случаях выходят монахи, но обычно — распорядитель. И от этого листва в голове шуршит всё сильнее.

Скоро вся суматоха кончится. Роща облетит, дорогу развезёт грязью, а может быть, и снегом. На зиму в обители станет тихо. И к тишине нужно будет заново привыкать.

Но пока — рано. Дверь опять скрипит. Распорядитель отрывается от счётной доски. Отодвигается по полу чуть назад, чтобы хватило места для поклона.

— *Ищет наставления беспокойный дух!*

— *Преклонив колени, я обращаюсь в слух,* — откликается распорядитель.

У монаха Нэхамбо такой обычай: начинает со

стихов всякий разговор. Эти песни на семь-пять нынче любимы. Перенять легко, трудней — после перестать.

— Да это я обращаюсь. У меня тут несколько вопросов.

Нэхамбо перевёртывается из поклона в нестрогую посадку. Всем своим перекошенным, приветливым лицом выражает любознательность.

— От кого? — уточняет Хатидзё.

Незаменимый ходатай десятка тысяч просителей, хлопотун по делам всей Срединной столицы, Нэхамбо машет рукавом:

— От себя. Хоть раз-то можно?

Занятно. Не помнит распорядитель, чтобы когда-нибудь этот монах чего-нибудь хотел для себя.

— А что случилось?

— Мне жемчужины нужны. Подходящие.

Ох. Выручать людей из неприятностей — это же у Нэхамбо личное дело. И кто из наших благочестивых дарителей без спроса унёс из дома жемчуг, а теперь пропажи хватились?

— К чему подходящие?

— Для проповеди, — невозмутимо отвечает монах.

— Вот, помню я, был такой рассказ, про бедного огородника. У него ничего не уродилось, хоть он исправно трудился, все камни с огорода повыкопал. И стал он думать, что ему поднести в общину. Нечего! Отнёс эти самые булыжники, думает: может, пригодятся. А когда он их из мешка высыпал, они пред Просветлённым обратились в жемчуга и самоцветы. Только не знаю: поштучно или по весу?

Распорядитель качает головой. Потом сдвигает в сторону хозяйственные записи. Достает из бочки свиток. Тут в домике тесно, хорошо: любая книга под рукою.

— Огородник такой был. Но такого чуда с камнями — не было. Вот смотри.

И разворачивает перед монахом свиток: «О глупости и мудрости».

Нэхамбо читает, шевеля густыми бровями.

— А по-нашему как сказать? Вот отсюда начиная.

— *Он только горсть белых камешков рассыпал перед общиной, и за то малое подношение обрёл столь великую заслугу, что в тысячи и тысячи веков у него еда, одежда и драгоценности появлялись сами собою.* В каждом новом перерождении, надо понимать. Не освобоодился, но счастлив — стал.

— Не пойдёт, — решительно отстраняется монах.

Хатидзё поворачивает свиток к себе. Прокручивает, потом сматывает к началу. Может, была другая похожая притча? Вроде нет.

— А о чём проповедь? — спрашивает он.

— О том, как люди сетуют на своё ничтожество и не знают, какими сокровищами владеют. Или знают, но не ценят, — вздыхает Нэхамбо.

Хатидзё задумался. А, понял, при чём тут жемчуг!

— Тебе из «Цветка Закона» примеры брать нельзя?

— Почему это?

Ну, например, потому, что ты выходишь на состязание с каким-нибудь наставником с горы Эй. И по условию ты не должен ссылаться на его главную книгу, а он на нашу «Великую Тучу». Но ежели не так — тем лучше.

Нэхамбо чуть ли не обиделся даже. Какие, мол, запреты могут быть в святом деле наставничества?

— Тогда — вот. Жемчужина за подкладкой. Гостил человек у друга, напился пьян и уснул, а другу пора было уходить на службу. И чтобы гостя не будить, он ему за подкладку рукава запрятал жемчужину в подарок. В другой раз они встретились, когда этот человек впал в нужду, трудился на тяжких работах, а жемчужину у себя так и не нашёл. То-то обрадовался, когда ему друг сказал про неё! Глава восьмая, если нужно.

— Другое дело! Это как раз о них. Спасибо!

Монах улыбается. Доволен. И сетовать не принялся, что сам не вспомнил, как иные книжники. И как сам Хатидзё обычно.

— Да это про всех, — улыбается в ответ распорядитель. — А ты о ком проповедовать будешь, если не тайна?

— Тайна. — Нэхамбо со значением указывает вверх своим обтрёпанным веером. — Но расскажу. Есть в городе одно место. Монахам вообще-то там бывать не положено... Но там люди тоже трудятся, как тот огородник. И всё свободное время плачутся на судьбу. Или на свои грехи. Жалко их. Надо бы обнадёжить. Если хочешь, пойдём вместе. Только не перебивай меня там, а то собьюсь!

Почему бы и не пойти. Всё лучше, чем слушать листопад у себя в голове.

* * *

Намма, старший советник Полотняного Приказа

Новый год — это очень тяжело.

Казалось бы, суматоха позади: все указы подготовлены, назначения оглашены, оплаканы или отпразднованы. На службу ходить не надо. А на поклон к покровителям... Как хотите, а подарок к Новому году не совсем то же, что взятка. По подаркам дела мы не заводим.

Старшие родичи исправно посещены. Из гостей, куда идти, остались только необязательные. Гости, кого принимать, тоже не ломаются толпами. Можно бы и дух перевести.

Как же!

Я глава семьи. Супруг, отец и уже почти что дед. И успели же вокруг детки разрастись...

Младшей некого кормить, потому она объелась. Колобками на новогодней трапезе, а они ведь — коварная еда, подавиться и задохнуться можно. Обошлось, но теперь требуется собака. Живая, чтобы с нею всякой снедью делиться. А не будет собаки — барышня опять обожрётся и заболит. Чтоб знали!

Матушка уже согласилась, остался я. Все женщины в доме по очереди мне приводят доводы, какая пёсья порода лучше подойдёт. От жены и кормилицы — и до южанки Рю.

Сын во дворце. Не по службе, а по Государевой милости. Полностью трепетной благодарностью — а всё же один высочайший любимец у нас уже есть, пора бы и остановиться. И что случается с докучными любимцами, мы видим, и сыну я такого не пожелаю. Мальчик себя уже числит ближним доверенным лицом при Властителе Земель — помнит ли, что нет такой должности? Соображает ли, что юн он ещё и глуп, даже в сравнении с этими его образцами из древних книг? Не начал бы чваниться перед старшими, настоящими сановниками. Не выставил бы себя на посмешище, когда окажется, что Государь его приблизил не для совета, а для потехи...

Старшая собирается рожать. Месяца через полтора, если верить моей кормилице. И собственным глазам я тоже верю: живот уже огромный. В святилище родильный пояс повязали месяц назад. Стало быть, если верить жрицам, у нас ещё три месяца впереди. А младшая наша считает: будет двойня. Потому что ей так хочется: и племянника, и племянницу чтобы сразу.

Вот и изволь тут быть строгим с детьми... И попробуй отдохнуть в праздники.

Так что на службу идётся сегодня даже с некоторым облегчением. Если в праздные дни старшего советника вызывают в Полотняный приказ — видимо, стряслось такое, что на некоторое время будет не до семейных хлопот. И в то же время — самого худшего страшиться рано. Государева стража при оружии по улицам пока не носится, в набат не бьют...

В Приказе толпы тоже нет: дневальный писарь, рассыльный, кого за мною посылали, и, собственно, посетитель. Господин Кома, отставной блюститель Государевой сокровищницы. Одет во вкусе изысканной старины, как всегда. Отдаёт поклон по самым строгим

правилам. А сам — дрожит и едва не плачет:

— Драгоценная яшма моя... Пропала...

Недостача в сокровищнице? Столь вопиющая, что к нам они прислали своего бывшего, а не действующего начальника? Или господин в ужасе от того, кого в их ведомство назначили в это новогодие? Вроде меня: трепещет заранее, как всё его дело пойдёт прахом... Или он не про Государевы ценности, а про своё домашнее собрание диковинок? Оно на всю Столицу знаменито, но при чём тут мы? Полотняный приказ расследует должностные злоупотребления, а кражи и грабежи — это к страже.

— Жемчужина добродетели... Светильник искренности...

Перевожу взгляд на писаря. Он шепчет:

— Господин наместник Тохаку исчезнуть изволил! Прямо из седла.

Опять чудеса? И опять Подгорные? Этот господин Тохаку, младший родич Комы, назначен ныне наместничать в краю Ямадо. Должен был бы уже отбыть в Подгорье.

— Истинная драгоценность не затеряется и на дне морском, — говорю я. — Не согласится ли господин изложить все обстоятельства с самого начала?

Кома готов. От волнения сбивается, начинает снова, но в итоге получается вот что.

Милый сердцу его племянник Тохаку прибыл из восточных земель. Его заслуги были оценены, Государь благоволил доверить ему одну из ближних областей. «На смену тому, позволительно ли молвить, казнокраду...» Это, впрочем, не донос, просто намёк. Тохаку принял все поздравления, изъявил радость всем, кому положено, и хотел уже ехать к месту службы — с десятком или около того своих челядинцев, верхом. «Сообразно новому обычаю...» Старик выговорил это с мягким неодобрением. Его можно понять: не вельможное это дело — скакать на коне. Однако Властитель Земель к лошадям и сам равнодушен, и в

окружении своём поощряет это пристрастие.

И вдруг, за несколько часов до отбытия, Тохаку куда-то ушёл из усадьбы дядюшки. Один, пешком, ночью. Господину Кома не сообщил, куда направляется и когда вернётся. А прежде никогда не допускал такой непочтительности к старшей родне. Люди Тохаку тоже недоумевают. Было это вчера, и с тех пор ни слуху, ни духу.

— Не стряслось ли с ним чего? Не порча ли наведена? Или хуже того...

Кома продолжает шёпотом:

— Не украли ли мальчика моего?

Мальчик этот — моих лет или чуть старше, под сорок. Но, конечно, это не значит, что его не могли похитить. Придётся разбираться.

— Позволит ли господин посетить его усадьбу и допросить слуг наместника?

— О, конечно! Хоть пытайте!

Добрейший старичок...

* * *

Раньше не доводилось бывать в усадьбе Кома. Дом построен давно, обветшал, но отделан богато. Иноземный какой-то вид у всей этой роскоши. Столбики резные, балки расписные... В пруду такие рыбки плещутся, каких я не видывал.

Кома и вправду заморский род. Перебрались к нам на острова после падения царства Кудары, полтора года назад. Служат Облачной державе с тех пор, как на кударской царевне женился тогдашний наш государь. Неплохо служат, судя по архивам Полотняного приказа.

Сейчас в семействе Кома две ветви с бесчисленной младшей роднёй. С главою второй из ветвей я сталкивался чаще. Тот Кома ведаёт столичными воротами, выдаёт пропуска на въезд и выезд. Ответственное дело. А с внуком его мой мальчишка учился вместе.

Но как же неудобно: господа Кома, двоюродные братья, настолько меж собою не ладят, что даже слуг друг к другу не посылают! Иначе здесь в усадьбе уже знали бы: миновал ли пропавший Тохаку какие-нибудь из ворот — или его следует искать в городе. Придётся мне это выяснять самому.

Люди Тохаку встревожены не меньше своего гостеприимца. Старший над челядью, огромный и угрюмый малый, со вчерашнего дня в дорожном платье, во всём винит себя:

— Не надо было мне господина одного отпускать...
Хоть бы тайно послать вслед за ним кого из ребят...

Ребята эти — дюжие молодцы с востока. У таких и вправду господина непросто отбить, если в честном бою.

— А почему тайно?

— Так велел: чтобы с ним никто не ходил. Тут чтоб ждали.

— Расскажи, что вчера было. С самого утра по порядку.

— С утра... Господин, как поднялся, приказал седлать. Поехал к воеводам, стремянный с ним.

К воеводам: они же господа Ямадо, первые Подгорцы в Столице.

— Вернулся ещё до полудня. Сказал — на рассвете уезжаем, чтоб были готовы. Ну, мы все стали собираться, пока господин отдыхал...

— Не все, — отчётливо бурчит один из молодцов.
Старший челядинец кивает:

— Да, верно. Господин как прибыл, как коня расседлали, он стремянного в город отпустил до вечера.

— А стремянный — это кто из вас? — уточняю на всякий случай.

— А никто. Он же тоже сгинул!

Хотелось бы знать, сколько ещё пропаж обнаружится в усадьбе...

— Так. А дальше?

— А что дальше-то, сударь? Господин отдохнул.

Попрощался с хозяином здешним, долго толковали. Собирался ещё вздремнуть перед дальней дорогой. Мы уж и сами легли — вставать-то рано. И тут будит меня часовой.

Видимо, это такой восточный обычай: выставлять не просто ночного сторожа, а часового. Посреди нашей мирной Столицы. Ну ладно.

— Говорит, там какая-то девчонка господина спрашивает. Ну, я велю её ко мне тащить. Девчонка маленькая ещё, но упрямая. Сперва не хотела ни с кем, кроме господина, толковать, но после раскололась. Спрашивает: а не служит ли в вашем благородном доме красавец-воин, лет этак двадцати трёх, собою видный, статный, верхнее платье у него в сизую крапинку, на ногах сапожки с красной оторочкой? Эге, смекаю: во что-то наш стремянный влип.

Вообще-то, увидев, что её в этом доме не отправляют сразу на женскую половину, к домоправительнице, посыльная девчонка должна бы бежать отсюда со всех ног. То ли очень храбрая, то ли совсем дурная...

— Ну, я и отвечаю: «А если и так, то что?» — продолжает старший челядинец. — А она мне: а нет ли в этом благородном доме такой вот вещи в хозяйстве? И описывает. Курильница, мол, медная, с четырьмя лапами и собачьей головой. А ежели есть такая, то дозволено ли упомянутому стремянному вещь эту сбывать на сторону для поправления своих обстоятельств? Только хотел я ответить, что нету у нас такой штуковины, как отодвигается дверь и входит сам господин, уже в дорогу одетый. И говорит: «Так. Веди-ка меня, дитя, к этому красавцу в крапинку! Немедленно!» Я спрашиваю: «Прикажешь седлать, господин мой?» Он только отмахнулся: «Нет, не надо», — и девице: — «Это далеко?» — Она кланяется: да нет, в двух-трёх шагах! Тут господин велел мне, чтоб все были готовы, и лошади тоже, он сейчас вернётся. И чтоб с ним никто не ходил! Ну, я, дурак, и повиновался в

точности...

— Она пропавшего стремянного описала?

— Ну так! Имя, годы и одежда — его, а что красавец — ну, это на чей вкус... А вот никакой курильницы мы с собою не привозили. У хозяина в молельне своих полно. Только без голов.

Вот тут он, кажется, не прав. Даже я, хоть и не знаток древностей, слышал о курильницах Кома. Их было две: в виде льва и в виде пса. Их спасли из дворца царей Кудара, когда все тамошние верные люди вместе с царской семьёю бежали к нам. С тех пор хранили их как память о потерянной родине. В позапрошлом поколении господин Кома их разрознил: льва вручил старшему сыну, а пса младшему. Эти братья — соответственно, отцы нынешних господ Кома: того, что при воротах, и здешнего, хранителя сокровищницы. Сплетники болтали ещё, будто как раз из-за курильниц и пошла у них семейная ссора. Каждый хотел заполучить обоих медных зверей — и оба не уступали.

Проверим. Если этот стремянный обокрал хозяина дома — это и впрямь такой позор, что помчишься пешком среди ночи... И понятно, что Тохаку никому не дал знать об этом. Особенно своему гостеприимцу.

* * *

Трудная задача: договориться с домовладельцем об обыске, не объясняя, что ищешь. Но когда я попросил у господина Комы дозволения на осмотр усадьбы, он мне сам подсказал:

— Неужели он написал где-то прощальное стихотворение? Конечно-конечно!

Поначалу шёл за мною и причитал:

— Мальчик... Ведь у меня только дочери, сыновей нет. Желал бы я видеть его на службе здесь, в Столице... Оставить ему дом, мои редкости... всё моё достояние...

С дочерью Комы, ближней дамой Государыни-матери, мне даже довелось однажды

беседовать.

Стыдно врать в глаза старику, но ничего умнее я не придумал:

— Разумеется, если найду стихи или письмо, сразу сообщу.

Кома удалился в свои покои. Понял так, что сыщик из Приказа пытается пощадить его чувства. На случай, если послание начертано кровью?

На самом деле мне не хочется вести дело вместе со стражей. А если я сейчас вдруг объявлю, что пропала курильница, — без стражников не обойдётся.

Дом обширен. И в самом деле — хранилище десяти тысяч драгоценностей. То там, то тут стоят, лежат, висят всякие диковины. То картина, почти выцветшая. То необтёсанный камень странных очертаний. То изваяние, безобразное на мой невежественный глаз, однако же — из рога носорога! И множество закрытых сундуков и ларцов. В молельне дымно, курильниц всего шесть, в кувшинах ветви сливы. Срезаны заранее, чтобы цветы распустились уже здесь.

Рядом с молельней выгородка: здесь на подставке три ларца, застеленные шёлком. Открываю. Все взломаны: уверенной, но неумелой рукою. В одном старинные грамоты. В другом ветхая должностная шапка, печать и доска для записей, всё — не нашей службы. А в третьем — соломенная туфля. Ношенная, но вряд ли полтора столетия назад. Под ней на дне ларца темный след от старой меди. Похоже, девочка не соврала: тут этот пёс и хранился.

Не беспокоя господина Кому, возвращаюсь к людям наместника.

— Как я понял, вы здесь, в городе, либо сопровождаете господина, либо остаётесь на подворье. Верно?

— Всё больше так. Мы столицу-то плохо знаем. Брякнешь что не то, смеяться будут... А врежешь насмешнику — господин осерчает.

— Тяжело! — соглашаюсь я. — Но если так, то куда

и зачем был отпущен стремянный?

Старший молчит. Остальные челядинцы шушукаются. Один уже поклонился было мне, но старший на него цыкнул. И сказал сам:

— Баба у него тут. Ещё с прошлого раза, как в городе были. Невеста вроде как.

Нет, ретивый подчинённый всё-таки не унялся. Очень хочется помочь расследованию:

— В прошлый раз ещё нет, а в этот он её с собою забрать хотел. А господин разрешил ему!

— С чего бы такая милость?

Старший объясняет:

— Так она будто бы из Подгорья родом. А нам теперь туда. Когда господин вернётся... Парень-то думал: если на тамошней девке жениться, так его на новом месте службы больше уважать начнут.

— Только это он зря, — вставляет слово младший.

— Мы не проверяли, только по всему выходит, что девица гулящая. Какое уж тут уважение...

Ну-ка, ну-ка!

— Не она ли вчера ночью и приходила?

— Да едва ли, — старший мотает головою по-бычьей.

— Девчонка маленькая, лет, может, восемь, десять. Мы с такими не путаемся.

— А кстати: как эта девочка выглядела?

Вспоминают уже все вместе, вразнобой:

— Ростом вот примерно такая, чуть подлинней моей сабли!

— Верхнее платье тёплое на голову натянуто вместо покрывала. Стёганое, зимнее.

— Всё в узорных петухах!

— Не петухи это. Заморские птицы, попугаями называются.

— Что я, попугаев не видал? У них хвосты вниз. А у этих колесом.

Очаровательно. С таким узором на платье девица может за себя не бояться: мужчины будут разглядывать птичек, а что под птичками, уже не важно...

— Лицо белое, как у всех тут в столице. Крашеное.
— Голосок писклявый. Но говорит этак бойко.
— А так — девчонка как девчонка, из прислуги чьей-нибудь.

Больше всего похоже на рассыльную служанку из весёлого дома. И по виду, и по лихости, и по её рассказу. Что значит, что стремянный собирался «сбыть на сторону» господскую вещь? Продавал, менял? Ставил на кон в игре? Пробовал ею расплатиться за что-то?

С другой стороны, весь рассказ про курильницу мог быть только предлогом, чтобы выманить Тобаку из усадьбы. И для ночных хождений по чужим дворам обличье сводничьей служанки — самое подходящее. Нарядить так можно и девочку, и мальчика, и некрупного взрослого: за броским платьем и густой краской на лице никто никого не опознает.

Придётся подробнее расспросить старика о столичных знакомствах Тобаку. И особенно о его недоброжелателях.

Выманить-то могли, но медный пёс всё равно исчез. Правда, я не знаю, как давно. И известно ли о его пропаже господину Кома. Для ценителя редкостей он сегодня как-то подозрительно мало хлопотал: сокровища, сокровища... Всё больше о людях беспокоился.

Когда я уже обувался, старший челядинец меня окликнул:

— Ты, господин сыскной, скажи, если что... Мы и лес прочёсывать можем, не то что город!

Только этого мне не хватало.

* * *

Возвращаюсь в Приказ. Дневальный смотрит сочувственно: вот ведь, и в праздники задёржали начальство...

— Слушай, — говорю. — Год закончился. Всем нам награждение выдали. И по-моему, справедливо. А как

ты думаешь: кто больше всех старался?

— Ты, господин!

— А кроме меня?

— Ну, смею надеяться, вроде бы я... И ещё, пожалуй, Горо Коротыш.

Горо среди наших соглядатаев трое. Но Коротыш и вправду самый расторопный.

— Согласен. И вот вам с Горо поощрительное задание. Надо, понимаешь ли, обойти весёлые дома. Собрать свидетельства.

Другой бы осклабился. А этот малый серьёзно спрашивает:

— А докладывать как? Их, домов-то этих, в Столице... ни одного не числится.

— Конечно, не числится. Докладывать будете мне. Устно. Нужно выяснить: в котором доме бывали в недавние дни три особы...

Описываю стремянного и девочку со слов людей Тохаку. А самого наместника — по собственным воспоминаниям: закалённый службой на востоке, не первой молодости уже, ростом на полторы головы выше... гм... ну, скажем, Горо. В дорожной одежде, в сапогах. И так далее.

Дневальный помчался за Горо и за своим сменщиком. Дождусь их тут.

Кома не смог перечислить мне всех, у кого побывал в эти дни его племянник. Что любопытно, челядинцы тоже не сумели: господин, мол, изволил всюду ходить только со стремянным. Кого не мог миновать Тохаку? Раз он назначен в Подгорье — значит, должен был побывать у господ Ямадо. Из столичных подгорцев у них и чины высшие, и сестра их в минувшем году взята Государем в младшие супруги. Против воли братьев Ямадо назначение в их край — невысказано.

Тохаку — человек строгий, но учтивый. Скорее всего, посетил и своего предшественника: бывшего наместника Подгорья, господина Оданэ. Тот, конечно, известный вор и вообще человек не лучших правил. У

нас на него кое-что есть, ждёт своего часа. Но младший сын Оданэ теперь состоит учеником прежнего Государя в обители Облачной Рощи. Это тоже следует учитывать. Рад ли был господин Оданэ переводу из Подгорья в Столицу? Новая должность у него даже почётнее — но заметно менее доходна. Хотелось бы знать, как он относится к преемнику.

И есть ещё один человек в Столице, которого новый наместник не мог не навестить. И об этом наверняка не распространялся в доме своего гостеприимца. Это его второй дядюшка, тот Кома, который выписывает пропуска. Чтобы не оговариваться впредь, буду-ка про себя называть обоих стариков по их курильницам: Кома-Пёс и Кома-Лев. Последний — и впрямь грозен, славится своей прямою, чтобы не сказать, грубостью. Молодому Государю это, кажется, по душе.

Есть ли у Тохаку в Столице близкие друзья? Или возлюбленная дама — зашёл попрощаться и задержался надолго... Нет, не похоже на него. И девчонка явно не была из приличного дома. И пустой ларец с туфлей... И, в конце концов, не у возлюбленной же он решил искать своего стремянного? Но всё равно придётся проверить.

Господина Асано, главу приказа, беспокоить этим происшествием пока рано. Вот будут какие-нибудь успехи... А пока займусь сам. Благо вон и новый дневальный поспешает — с непозволительно кислым видом. Где рвение, я спрашиваю?

Встаю. Достаяю из рукава улику. Глаза у дневального лезут на лоб.

— Возьми-ка вот эту туфлю. Что ты можешь о ней сказать?

Тот её осматривает. Обнюхивает. Царапает ногтем. Ну вот, на лице — уже здоровая любознательность!

— Так. Носил человек длинный. Но, похоже, уже давно — зимней грязи на ней нету. Стапывали её долго — хотя это смотря сколько владелец бегал. Если это кто

из наших, то, может, и не слишком долго... Вторая потерялась?

— Откуда такой вывод?

— Так видно ж: и эта не туго на ноге-то сидела. На бегу такая наверняка свалилась бы. Вон завязки-то какие хлипкие... Не, не из наших!

— Молодец. Оставляю её тут. Глаз не спускай!

— Будет исполнено. Последние времена приходят! Век бы этой присказки не слышать.

— Эт-то ещё почему?!

— Ну, если изменники стали в такую дрянь обуваться...

Дерзкое похищение. Пока — никаких требований о выкупе. Нет, невозможно. Но очень уж знакомая рука. Избыточно оно, вот в чём дело. Намёк насчёт украденного Пса отлично бы сработал, даже будь курильница на месте. Никто ведь — ни челядь, ни сам наместник, — не кинулись проверить ларец, прежде чем бежать за стремянным. Однако же Пёс тоже исчез. И этот тапок... Слишком похож на игрушку, нарочно подложенную для сыщика. А потом окажется, что был в древности какой-нибудь мудрец в одной туфле. Или не был, но напротив, будет. Грядёт, поспешая так, что не обулся на обе ноги...

Я знаю, что Хокума мёртв. Три года служу без него, мог бы привыкнуть. Но... Совершенно ведь в его вкусе выходка!

И тела я не видел. И старый Конопляник непредсказуем.

А вдруг глава рода не врал тогда — что ему все родичи родные?

* * *

У господина Комы-Льва ещё празднуют. Он выходит ко мне на крыльцо.

— К трапезе не зову, — объявляет сразу.

— Благодарю!

— Вижу, что по делу. Это кстати. Утомили уже

досужие гости.

Слуги гостей, сидящие во дворе, хихикают.

И правда, лучше здесь поговорить: тепло, весною пахнет...

— Я по поводу твоего племянника, нового наместника Подгорья.

— Сам удивляюсь. Что это он в городе застрял? Пропуск с позавчерашнего дня лежит. На него и на всю его свиту.

Значит, города Тохаку не покидал, хоть и не имел затруднений с выездом.

— Так он не здесь? — якобы удивляюсь я.

Кома-Лев фыркает:

— У меня он побывал, поблагодарил, да и был таков. У братца моего не смотрели? Он там днюет, ночует и на наследство облизывается.

— Смотрели. Люди его там, а самого нет.

— А забавно было бы, если он двинулся в Подгорье, а всю свою ораву оставил моему родичу!

Старик уже в открытую смеётся. И резко обрывает себя:

— Мне бы сказали, кабы он по общему пропуску один отбыл.

— Лошадь его также осталась в усадьбе... Не знаешь ли, с кем Тохаку вёл дела в Столице? Такие, что могли бы его задержать?

Кома задумался. Качает головой:

— Не знаю. Единственное важное его дело я давно решил. И о том вы же и объявляли, ваш Приказ. Лучше бы он поторапливался: Государь увальней не одобряет.

Назначение Тохаку устроил этот дядюшка, а не Кома-Пёс? Да, похоже на то. Лев ближе к Государю... Но сильно встревоженным не выглядит. Кланяется и говорит уже почти учтиво:

— Спасибо, что дал знать. Пошлю кого-нибудь разыскивать обормота. Если ваши его первыми найдут — прошу меня уведомить!

— Обязательно. Только вот ещё что. Есть у

господина Тохаку ближний человек, вроде как его стремянный. Не можешь ли о нём чего сказать?

Старик отгораживается рукавом:

— Нет уж. Чтоб я за его людьми присматривал? У меня своих хватает. Увы, ничего сказать не могу.

Твёрдо и прямо заявлено. Даже немного слишком твёрдо. Что ж, откланяюсь.

* * *

Прихожу домой обедать, а там все гомонят. Урасака меня увидел, как гаркнет:

— Вернулся!

Супруга, кормилица, Рю — все высунулись. Дочка с крыльца руками машет. Кричит:

— Вот и не пропал!

— Кто не пропал?

— Ты.

— Мы уже беспокоились, — объясняет жена. — Я так поняла, ты только на службу заглянуть вышел... Ждём, ждём...

Отвыкли уже, что я в Приказ могу уйти на полчаса, а вернуться через два месяца? Видно, я в самом деле становлюсь чиновником. Служу по расписанию. Плохо дело...

Сели обедать. Спрашиваю:

— Вам что-нибудь говорит такой узор на ткани: яркие птицы, наподобие петухов, с закруглёнными хвостами?

— Я не знаю, — отвечает супруга осторожно. — Может быть, и петухи, но тогда это что-то совсем новое... И привозное. А ещё могут быть горные курочки, их и у нас иногда ткут.

— Как они выглядят, эти тканые курочки?

Жена объясняет, дочка, за неимением хвоста, показывает полами платья. За переборку заглядывает Рю, заявляет:

— Только, господин, настоящие они совсем не

такие!

Курочки бывают живые, тканые, вышитые, привозные, воспетые в стихах, жареные, а также отпущенные на волю по обету. Вскоре я запутался.

— Вот что, — говорю. — Ты, Рю, у нас лучше всех разбираешься в пернатой дичи. Обойди сегодня торговцев, погляди на товар. Если где встретишь таких кур, спроси, кому уже продавали эту ткань.

— Ладно. А что стряслось-то?

Можно было бы и промолчать с важным видом. Но на меня уже не только Рю смотрит выжидательно.

— Вам я скажу, но болтать об этом не надо...

Выслушали. Задумались. Все сделали разные выводы.

Рю подхватила и отправилась за дичью. Кормилица встревожилась:

— Одна туфля? А зонтика, зонтика там не было?

— При чём тут зонтик?

— А там, ты говоришь, старинные вещи хранятся?

Так если зонтик лежит сто лет без дела, он ожить может. И будет прыгать на одной ноге! Иногда — обутой!

Надо отдать должное барышне Намме. Вместо того чтобы начать прыгать, как зонтик, она задумчиво молвит:

— Курочки — хорошо. Но лучше собаку. Мне.

Супруга же говорит:

— Если неизвестно кто ходит по ночам, морочит людей по усадьбам, а те потом пропадают... Наши-то, чего доброго, и впустят. Больше ждать нельзя.

«Наши» на Восьмой улице. Старшая дочь и китайский живописец. И зять, которого никогда нет дома. В самом деле, прибежит посыльный, наряженный монастырским послушником: а вы знаете, господин Хатидзё в таком-то месте сейчас пропивает такую-то храмовую утварь. Или книгу. Или государственную тайну. В общем, бежимте его спасать. И побегут, как дураки!

— Так что, — продолжает жена, — ты к ним зайди.

И пусть к нам перебираются. Рожать в родительском доме надо.

Кормилица кивает. Против двух мне не устоять. Тем более что они совершенно правы.

* * *

Застать господ Ямадо — дома ли, в Военной ли палате — дело непростое. У них по всей столичной округе склады, конюшни, сторожевые заставы требуют надзора. Но сегодня мне повезло: братья у себя в усадьбе. Только собираются куда-то опять отправляться. Как всегда, вместе.

— Рады видеть следователя Намму, — начинает Правый советник. Левый подхватывает:

— Но китайцев у нас больше нет!

Да мне и того хватает, который сейчас на Восьмой улице обосновался...

Осведомляюсь, не у них ли новый наместник Подгорного края. Выясняется: нет. Братья полагали, что он уже на пути в Ямадо — отбыл, когда и собирался.

Сообщаю, что это, увы, не так.

Они откликаются:

— Твоё беспокойство не удивительно.

— Вынуждены принести извинения за нашего наместника.

— Непростительно, непростительно!

— И ведь он — из лучших служилых, из самых ответственных...

— Ни на кого нельзя положиться...

Трудно их слушать, когда они одну и ту же речь произносят на два голоса. Да и обращаются не ко мне, а друг к другу.

Наместник — их. Они будто бы возмущаются, но не выглядят искренне обеспокоенными. Знают, где Тохаку, но не скажут, пока я сам не вычислю? Если так: он с их ведома где-то мешкает в Столице — или они сами же его и задержали? Чтобы успеть всё приготовить в Подгорье

к его приезду: замести все следы, что натоптал его предшественник. В этом Полотняному приказу и вправду не признаешься.

А может быть, ничего не знают, но хотят разобраться своими силами.

Попробую:

— Господа Кома пребывают в недоумении...

Правый военный советник подымает правую бровь.

Левый — соответственно, левую. Молвят:

— В кои-то веки раз?

— Кома между собой в чём-то согласились?

— У одного из них гость пропал, понятно...

— А второму-то что за дело?

Позволю себе заметить:

— По словам Комы — смотрителя ворот, он выхлопотал племяннику назначение в Подгорье. А тот пренебрегает новой службой.

Ямадо разводят руками. Глядят друг на друга, взметывают уже обе брови каждый:

— Он выхлопотал?

— Назначение в Подгорье?

И хором:

— У кого это?

— Полагаю, — говорю я, — что у вас, господа советники.

— Но это не так! Мы сами Тобаку нашли. По всем восточным землям искали!

Правый воскликнул это, а Левый задумчиво прибавил:

— Но какой тогда смысл...?

— Зачем приписывать себе несуществующие хлопоты? — уточняю я.

— И перед кем? Перед младшим родичем. Добро бы Кома в столичном кругу себе весу дутого прибавлял... Но в Подгорье-то всё станет ясно. И будет Кома перед племянником выглядеть, как дурак.

— И чего, — добавляет Правый, — будет стоять тогда эта его слава честного старика...

— Лгать подобным образом, — рассуждаю я вслух, — было бы нужно, если бы старик чего-то желал от Тохаку сейчас и немедленно. Не уважения вообще, а некой услуги. С другой стороны, тогда бы ему незачем было передо мной притворяться дядюшкой-благодетелем...

— Здраво, — кивает Правый советник, — Возможно, оказанием такой услуги наместник сейчас и занят.

— Но почему — не предупредив? — удивляется его брат, — Достаточно было сказать пару слов второму Кома...

— Или Тохаку ему сказал, а тот — забыл?

— Или — не забыл, а нарочно из головы выкинул?

Оба поворачиваются ко мне, кланяются:

— Благодарим, господин следователь. Меры будут приняты.

Посвящать меня в то, какие именно меры, они, конечно, не собираются. Однако же подкину им ещё одну мысль:

— Возможно, смотритель ворот и не хитрил, а сам был введён в заблуждение. Что, если он и впрямь договаривался — но не с вами, господа, а с кем-либо ещё? Если этот кто-то намекнул, что именно от него, а не от вас, зависит это назначение? А Кома поверил.

Ямадо озадачены. И, кажется, даже разгневаны. Вот и хорошо: пусть в высших кругах, куда мне ходу нет, братья новой государыни разбираются сами.

— Последний вопрос. С вашего разрешения. Вот вы искали такого человека по всем восточным землям... Позвольте полюбопытствовать: а какого — такого?

Они переглядываются в очередной раз. В виде исключения, Левый советник высказывается один:

— Ты не веришь — порядочного. Честного чиновника. Это же наша земля.

— Почему же — поверю, — киваю я. — Поистине, честный чиновник — сокровище более редкое, нежели рог носорога. Тем любопытнее мне: а в чём корень честности господина Тохаку? Он страшится кары

за злоупотребления? Или чужд излишеств, толкающих на дурные пути? Или столь печётся о своём добром имени?

Братья задумываются, потом Правый советник произносит:

— Скорее — последнее.

Левый добавляет:

— А кроме того, ему проще быть честным. Иначе он начинает путаться...

* * *

Поворот на Восьмую улицу. Из-за угла выглядывает жердь, мерно покачивается. И другая: их целая связка, разных по длине.

Жерди несёт странный малый, долговязый и при этом колченогий, с полотенцем, намотанным на голову. Только глаза видны да подбородок, нечисто бритый. Помогает ему парень пониже и покрепче. И за хвост те же жерди поддерживает одной рукой совсем низенький — а в другой руке у него узелок. Нарочно не подберёшь более неудачной троицы для таскания длинномерных грузов.

Увидав меня, носильщики бросают свои жерди на землю. Принимаются бить поклоны. Но ничего не просят.

Прохожу мимо, оглядываюсь. Подхватились, понесли дальше.

На мужской половине у наших темно — друг мой Дзэхэй и в новогодие не покидает, видно, Государева книгохранилища. Зятя, как всегда, тоже нету.

Меня встретил здешний домоправитель, бывший вор по кличке Селезень. Отставной соглядатай главы дома Конопля. А может, и ныне действующий. Громогласно поздоровался — чтоб в доме слышали.

Чтобы вышло так, будто китаец опять не успел скрыться с глаз моих, хотя и пытался.

А на женской половине — всё бело. Переборки

раздвинуты, и повсюду раскидана клоками вата. Будто снег прошёл. Отчасти она новая, а отчасти вытащена из одеяла и из подкладок. Перешивают.

Ну, конечно. Пока не управятся, о каком переезде говорить?

Работают жена и дочка домоправителя. Китаец Рэй меж тем с них рисует картину: небожительницы на облаках.

Госпожа Хатидзэ тоже шьёт. Сидит у жаровни, а лицо — белое, почти как эта вата. И живот с прошлого раза, кажется, вырос ещё раза в полтора. А говорят, у полненьких дам беременность малозаметна... Враки.

Машет девочке, чтоб размела для меня на полу просвет, где сесть. Домоправительница поспешает на кухню. Рэй окидывает меня взглядом мастера: не сойду ли я за бога Громовника? Вздыхает, собирает свой рисовальный припас, но не уходит.

Садако, улыбаясь, смотрит на меня. Потом перекусывает нитку, встревоженно спрашивает:

— Что-то случилось? На службе? Ой, ведь праздники же... Дома?

Успокаиваю — зря волноваться ей не стоит. Хотя всё равно сейчас, наверное, поднимется шум.

— Дома всё спокойно. И всё готово. Тебя только ждём.

Дочка всплескивает руками — шитьё колыхнется, вата разлетается:

— Ну не сейчас же прямо! Мне ещё столько всего надо доделать! И, кстати, я хотела спросить: в святилище вот такое подойдёт? — и указывает на свёрток какой-то ткани.

Ткань-то хорошая. И в святилище её поднести после рождения дитя будет незазорно. И я это подтвержу. Но зубы себе заговаривать не дам.

— Конечно, не сейчас. Я ж пришёл только предупредить: завтра Таро подъедет с возком, и, наверное, надо будет ещё носильщиков, троих-четверых. Давай прикинем сейчас, чтобы потом

не сбиться, как что грузить будем.

Садако вздыхает. Смотрит на меня укоризненно. Откладывает шитьё, начинает считать по пальцам:

— Ну, во-первых, носильщиками тут не обойдёшься. Телега нужна! Во-вторых, лучше всё-таки подождать господина Хатидзё, а то вдруг я какие его бумаги перепутаю? А в-третьих, может, лучше не завтра, а этак через месяц? Когда потеплее будет.

И не поймёшь: это она мне голову морочит или себе самой?

А что до господина Хатидзё, то с его стороны было бы очень любезно действительно объявиться. Забрать все свои бумаги и прочее добро, и больше здесь уже не бывать. Совсем.

Может быть, я пристрастен. Но не получается у меня уважать моего зятя. Вот жена у человека. У знатного господина. Ждёт ребёнка, и точно не от него. Я бы не смог так, даже если бы любил — всё равно разошёлся бы с женщиной, когда уж так сложилось. А ему — уж чего бы проще? Сказал бы: жена мне надоела, вернулся бы к себе домой. Или, если старый господин Асано по-прежнему его видеть не желает, так переселился бы в свой храм. Или, наконец, строил бы собственную усадьбу. Но Хатидзё не съезжает от супруги. Говорят, иногда тут ужинает и ночует. Сплетен хочет избежать? Так чем дальше, тем их больше пойдёт. Про то, как он тут жену с китайцем делит — и доволен.

Уехал бы. И тогда я бы поторопил Дзёхэя: если уж собрался усыновлять своего заморского приёмьша, так хватит тянуть. И был бы у Садако муж как муж, ничего не надо было бы скрывать. Она ведь медлит, сдаётся мне, ещё и из-за Рэя: хочется вместе пожить, а дома будет неудобно. Кормилица ворчать начнёт, да и вообще разговоры пойдут.

А что муж из Китая, так это не беда: вот, семья Кома как у нас обжилась...

Дождутся ведь, что Конопляный господин сам обратит свой взор сюда на Восьмую улицу. Скажет: что

это там мой правнук или правнучка — вот-вот родится, а рядом никого из толковых женщин, только бывшая воровка да девчонка малая? И потребует жену внука к себе в усадьбу. Тогда не то что Рэй, и я-то до дочки не доберусь...

— Нет уж. Пока холодно, а чуть теплеет, так станет слишком жарко. Или звёзды вам неладно встанут, или вы тут ещё потолки менять спохватитесь... И как же без хозяйкиного глаза...

Дочка косится на потолок. Опять вздыхает:

— Но первое и второе остаются.

Ну, я же не упрямец:

— Хорошо. Будет и телега. А ты сегодня вечером разбери всё с Хатидзё. Я его извещу, чтобы пришёл.

Домоправительница входит с подносом. Ставит передо мной, кланяется, сообщает:

— Там, господин, твои приказные во дворе. Ждут с докладом.

— Это о чём? — спрашивает госпожа Хатидзё.

В двух словах рассказываю. Пусть знает: дома без неё действительно никак. Мачеха, сестрица, кормилица уже обсуждают новое дело и, конечно, без Садако не разберутся. Тем более, что всё время отвлекаются на собак.

Кажется, заинтересовалась. Тяжело поднялась, ушла в уголок. Рэй задвигает за нею перегородку: это чтобы я сюда своих ребят позвал, а госпожа Хатидзё всё подслушала. Ну что ж — я её знаю, не разболтает... Даю знак китайцу тоже исчезнуть, зову приказных.

Горо и Дзиро кланяются. Явно довольны.

— Ну, и что у вас?

— Нашли мы то заведение. Это гостевая усадьба Военного ведомства. Сама-то она развалилась, как и значится в бумагах, но у стены при воротах есть такой домик. С девицами. Старшая тётка — из подгорцев. И вчерашней ночью — там видели!

— Наместника?

— Увы, нет. В смысле, отрицают.

- Стремянного?
- Лучше! Монаха Нэхамбо!
- Тоже мне радость... — ворчу я.

— Но, господин: он же бритый, ему врать-то нельзя! То есть ложные показания давать. Мы когда зашли, смотрим, а он — там сидит. Бурду какую-то кушает из чашки. Спросили: давно ты здесь? Он признался, что уж больше суток. Только утром выходил ненадолго. Мы: а не видал таких-то? По описанию наместника и слуги его. Молчит! Сказал бы «нет» — ну, значит, мимо... А так — наверняка видел!

Любопытно. Что монаху врать нельзя — это, конечно, не довод: ему и по девкам шататься как-то не очень положено. Но потолковать с Нэхамбо имеет смысл. Всем известно: он — доверенный рассыльный Подгорного дома. И если Ямадо затеяли в последний час какие-то новые переговоры со своим наместником... В общем, не похоже на случайное совпадение.

- И что, он там и остался?

— Да нет, мы проследили. Сразу за нами подхватился, отправился к себе в Облачную рощу.

Похоже, никого посылать к зятю мне не понадобится. Сам лично попрошу его пожаловать к супруге.

Перед уходом заглядываю к дочке. А она уже написала два письма. Мачехе и мужу. Что ж, передам.

* * *

Возвращаюсь домой. Распоряжаюсь, чтобы Урасака договорился насчёт телеги, а Таро готовил на завтра возок.

Передал письмо супруге. Она унесла его к себе читать. При мне стесняется.

Прибегает Рю:

- Нашла! Были такие курочки!
- И где они водятся?
- В лавке их уже нет. Теперь — у господ Оданэ. Их

человек брал!

Всё-таки Оданэ, предшественник пропавшего Тохаку на Подгорной должности?

Сын Оданэ сейчас — послушник в Облачной обители. Там же, где и монах Нэхамбо.

Погожу я с выводами.

— А когда, — спрашиваю у Рю, — эту ткань купили?

— Давно уже. Осенью или даже в конце лета. Про запас. Она тёплая, на зимнее платье. Но больше у них такой не осталось...

Придётся по пути в монастырь заглянуть к господину Оданэ. А значит, надо поторопиться. Уже смеркается.

В усадьбе Оданэ гуляют. Новый год, новое столичное назначение... Слуга проводит меня в дом, в отгороженную переднюю. Но и здесь уже жарко, плотный дух благовоний, браги и жареного сыра. Слышно, как за переборкой дудят, топают и ухают.

Выходит господин. Платье распахнуто на груди, шапка съехала набекрень. Утирается полотенцем. Но глаза у этого гуляки — трезвые, насторожённые.

— Намма? Какими судьбами? А, не важно... Прошу отведать!

— Благодарю. Я по делу.

Оданэ садится. Откладывает полотенце. С нарочитым усилием строит невинное лицо, как положено на допросе.

— И что я натворил?

Это погодит.

— Да речь не о том. Хочу у тебя спросить: нет ли у кого из твоих домашних тёплой одежды с узором в горную курочку?

Вот тут Оданэ будто бы пожалел и о тех немногих чарках, что выпил. Моргает в полном недоумении. Морщит лоб.

Вспомнил. Рассмеялся:

— Похабная такая расцветочка? Рыжая, с жёлтым и

зелёным?

— Полагаю, да, она самая.

— Была. Понимаешь ли: и в моем скромном доме — не без дурака. Послал малого за отрезом. На охотничий наряд. А он приносит: говорит, самое близкое к охоте, что нашлось. Ну, куда мне с ним! Ни надеть, ни купцу снести обратно...

— И как же ты в итоге распорядился?

— Да как? В храм отдал. Монахам-то всё равно. Я тогда много даров собирал для Облачной рощи, ну, и эту жуть приобщил заодно...

— Да, конечно. *Бритым всё равно: хоть дерюга, хоть парча — всё перекроют.*

Оданэ хохочет. А я думаю: и как после этого дара прозвали нового послушника собратья по храму?

— И это всё дело? Так и хорошо! Заходи, выпьем.

— Не получится. Теперь, выходит, мне бежать в обитель.

— Понимаю. Семейные дела... Ну, значит, после заходи. Мы тут ещё дня четыре праздновать будем!

До Западных ворот недалеко. А у полотняных чиновников пропуск на выход — постоянный.

Нэхамбо, монах из храма Облачной рощи

Праздники в Столице нашей идут плотной чередой. А значит, и в храме тоже. Только разберёшь одни подношения, как уже новые поступают. Особенно с тех пор, как в обители поселился господин Унрин. Зачем отрекшемуся государю три тележных колеса, разных в поперечнике, — это уже другой вопрос. Подарили, благое дело сделали. А распорядитель всё это переписывает и думает, как пристроить к делу. Колесо Закона, может, соорудить? Тогда спицы менять надо. Чтобы было двенадцать, по числу причин и последствий.

Вот об этих-то двенадцати причинах и беседует Нэхамбо с распорядителем. Не всё ж с бумагами-то возиться.

Закон причин — умозрительный, простому человеку непонятен. Значит, надо подобрать примеры на каждое из двенадцати звеньев. И не из заморских чудес, а из деяний наших подвижников. Нэхамбо вспоминает, распорядитель Хатидзё записывает без ошибок и красивым слогом. И наводящие вопросы задаёт.

Далеко не продвинулись. Из неведения возникает волнение — понятно. Из волнения сознание, чтобы разобраться, — тоже можно объяснить. За сознанием следуют имя и плоть.

— Они же слава и похоть? Две цели, ясные для сознающего человека прежде всех прочих?

Ответить монах не успел. В домик распорядителя поднимается тесть его Намма. По-семейному, без предупреждения.

Вообще-то на расспросы Полотняного приказа монах сегодня уже отвечал. Точнее, подобно Просветлённому, хранил молчание там, где не скажешь ни «да», ни «нет». Разве что «вопрос глупый», да и то не всюду подобало бы.

Следователь деловито кланяется. Чуть не с порога обращается к Хатидзё:

— Первое, родич: поступала ли в дар обители от семьи Оданэ минувшей осенью ткань пёстрой расцветки, с узором из горных курочек? Второе: если да, то где она?

Вот, не только проповедники, но и казённые следователи порою забегают вперёд, опережая ответы на собственные вопросы.

Распорядитель перекладывает задумчиво бумаги, но в них не заглядывает. Говорит:

— Поступала, помню. Братия ещё потешалась, как это так: отцу и матери наш послушник Оданэ простых вещей растолковать не может. Насчёт даров.

— А каких именно?

— Нешитую ткань в святилища подносят. Но — чистую, без узоров. А монахам — ношеную только. Ну, или занавеси и покрывала, но тоже не новые.

— Учту, — говорит следователь.

На себя, мол, оборотись, родич: часто ли ты мне объясняешь этикие правила? Намма продолжает:

— А что по второму вопросу?

— Я эту ткань забрал в счёт своего жалованья. Я-то мирянин, мне можно.

Вот и напрасно, получается, Нэхамбо не рассказал распорядителю про утренний допрос. Сейчас уже, кажется, предупреждать поздно.

Странное выражение проступает на лице следователя. Очень осторожно он осведомляется:

— И вы её... использовали в хозяйстве?

«Вы» — то есть Хатидзё и его супруга, дочка Наммы? Мало того что расследования ведёт вся семья, так ещё и преступления она же обустроивает? И не то чтоб дикое было подозрение. Был у них такой родич Хокума...

— Нет, — чистосердечно сознаётся распорядитель.

— Я эту ткань в весёлый дом снёс.

Намма невольно облегченно вздыхает. Потом набирает полную грудь воздуха.

Выдыхает. Продолжает казённым порядком:

— В какой весёлый дом и когда?

— Он у Западных ворот. Осенью же, в девятом месяце.

— С какой целью?

— Подарил девицам.

— Заведению вообще или определённой девице?

— Двум. Как их зовут, я не знаю.

А и знал бы — что толку? Какая она там Вишенка, Сливонька или Грушенька. Иные подружки прозвищами меняются из взаимной приязни. Да и с возрастом девчат переназывают, иначе смешно: что это за Первоцвет десятый год радует гостей? Пусть уж лучше будет

Бессмертник...

Следователь это, кажется, понимает. Хотя сам и не ходок по девицам.

— Приметы помнишь?

Хатидзё молчит. Врать, похоже, и дальше не собирается, просто соображает, как описать. Одежда, раскраска — это всё сменное. Рост разве что?

— Добрые, — говорит он. — Между собой не сёстры, но одна растит другую. Старшей лет двадцать, младшей десять-двенадцать. По-моему. Выговор подгорный: в том доме он у всех почти такой. Про особые приметы не знаю.

Намма неторопливо качает головой. Молвит:

— Нехорошо.

И резко поворачивается к Нэхамбо:

— То же заведение?

Лгать запретно, а отмалчиваться уже глупо. Монах отвечает:

— То самое.

— Дополнить можешь?

— Нечем... Я с этими двумя отдельно не толковал.

Полотняный чиновник глядит на монаха. Страшным дикарским взглядом: прямо в лицо. Распорядитель пробует его отвлечь на себя:

— А что случилось?

Намма поднимается на ноги. Переводит взор на зятя. Говорит сдержанно:

— Девчонка пропала. Видимо, младшая из этих двух. Одежка — в тех самых курочках. Ищем.

Поворачивается к двери. Никаких объяснений — почему бы это Полотняный приказ с государственных преступников переключился на весёлых девиц? Бросает через плечо:

— Тут — и нигде — сегодня не задерживайся. Тебя дома дело ждёт...

И — со всем отвращением, какое может вложить в свой голос:

— Гул-ляка!

И выходит.

Имя и плоть явно придётся отложить на другой раз.

Распорядитель собирает свои грамоты, тщательно раскладывает по стопкам и чехлам. Монах в молчании провожает его до храмовых ворот. Да и за ворота. Привратник покосился неодобрительно, но смолчал.

Направляется Хатидзё явно не на свою Восьмую улицу. И не к тестю. Идёт вдоль городской стены к Западным воротам. Значит, по пути: монах туда же собирался.

Хозяйка, дочка дядюшки Гэмпя, высунулась, выпучила глаза, замахала мягкими ручками, загомонила, даже не пытаясь выразиться по-столичному:

— Куда? Куда? Нельзя сегодня! Что ж ты, братец, натворил-то, а? Утром — допрашивают! Днём — обыскивают! К вечеру — закрыли! И ещё всю ночь теперь убираться — всё ж переворошили! Ты что тут, сутру какую чудотворную припрятал, неровён час? Или печать Государеву?

— Ничего я не припрятывал, — хмуро откликается Нэхамбо. — Пусты, сестрица. Прибраться поможем.

Хатидзё, распорядитель храма Облачной роши

Позор!

Услышал и обрадовался: исчезла младшая девчонка. Не расскажет теперь про меня ничего неприличного...

Пойду и сам спрошу, что произошло. У сводни или кто там есть. А домашние дела уж потом. Чтобы не отвлекаться. Стряслось бы у нас дома что плохое, господин Намма на Восьмой улице был бы, а не свидетелей допрашивал.

Когда я спросил осенью, а зачем наставнику Нэхамбо такие-то притчи и примеры, он сказал: можешь сам послушать. Только это в весёлом доме.

Привёл туда. Заведение держит тётушка из его Подгорной родни. Ходят туда воины в средних чинах, учёные люди, мастера-оружейники... Проповедь слушали и они, и девушки. Хорошо слушали, не перебивали, то смеялись, то плакали. И кажется, всё понимали.

А я и не думал, что Нэхамбо...

Та самая жемчужина за подкладкой. Третий год в одном храме, а что у нас есть настоящий наставник — для мирян, для тех, кому Закон всего нужнее, — никто в обители не знал. И мне он велел не болтать, а то как бы не запретили.

Только потом уже, в другой раз, начинает речь по-книжному:

— Так я слышал. Однажды Просветлённый...

И на меня косится. Ну, да, слышал, а не по книге знает. Зачем самому читать, если я есть...

Всё бы было хорошо. Проповеди, разговоры... Только одним осенним утром просыпаюсь я неизвестно где. Голова болит, на лбу тряпка, пахнет уксусом. Рядом девушка — которая постарше из тех двух. Младшая чуть поодаль, мешает что-то в чашке. Соображаю: это всё тот же весёлый дом, задние покои.

Начинают красотки мне рассказывать: как давеча я немного обеспокоил других гостей, так что пришлось меня перенести сюда. Волоком, видимо. Раздеть и накрыть женским ватным платьем.

Было ли что ещё — со старшей девицей, или хуже того, со второй? С обеими? Ничего не помню. Если тело собственное не врёт, кажется, что не было. Да оно ничего не подсказывает, только — что плохо! Хуже некуда!

И чем я беспокоил? Ругался, дрался? Нет, успокаивают: сначала все просто разговаривали... А потом? Ты, господин, заявить изволил, что не имеешь более врагов в Облачной державе. И никогда ещё никого не убивал по-настоящему. Не крал ничего, потому что всё добро и так уже — твоё, при твоей-то

должности. И не нарушал — хи-хи! — целомудрия в последние семь-восемь месяцев. И не хулил Закона, и не гневался, пустословию не предавался, благовониями не притирался, чтил родню и ещё что-то... Да: и ещё господин никогда не лжёт!

Это, наверное, я оправдывался, что не пью, в столь длинных выражениях. Или что пью? И крепко же успел напиться...

А ведь всё это было при Нэхамбо. И другие гости тоже — хорошие люди. Лекарь и остальные. Кто именно — не помню... Надо ж было так осрамиться!

Кое-как одеваюсь, выхожу — а в переднем покое сидит бодрый, благостный Нэхамбо. И говорит: тем и ценна заповедь трезвости, что помогает соблюдать все остальные. Так что лучше б ты и правда не пил...

За науку я девушкам и отнёс тот отрез с курочками. Им вроде понравилось.

А сегодня хозяйка пускать не хочет. Говорит, что из-за Нэхамбо её дом обыскивали. Он мне не рассказал ничего, хотя сам, похоже, знает, что это за дело на него завели — в Полотняном приказе, коему монах неподведомствен.

Прерываю я хозяйкины жалобы. Спрашиваю: целы-то все?

— В общем, все. А столики мне кто вернёт? А подушку?

А как те две девушки, у кого я осенью ночевал?

— Хватился! — кричит подгорка. — Когда это было! Они с тех пор по тебе тосковали-тосковали... Да и померли!

— Когда это?!

— Обе в один день!

— Давно?

— А тогда же, осенью. И луной не успели полюбоваться...

Во-первых, от тоски по мне умереть нельзя. Всяко уж не здесь. Весёлый дом тем и хорош, что тут вся любовь понарошку, даже кабы она и была. А если

всерьёз, так опять-таки ничто не мешало мне о том намекнуть. Или сам должен был догадаться?

Но во-вторых: я же видел обеих девиц перед самым Новым годом, меньше чем полмесяца назад!

Настоятель наш Арэн совершал обход всех святынь Столицы. Я в свите был, дары принимал. Возле Западного храма девушки подошли ему поклониться. Младшая — как раз в платье с курочками. Я с того самого девятого месяца не пью совсем. Или у меня от трезвости чрезмерной — видения? Или то призраки были? Но настоятель тогда почуял бы нежить.

Да скорее всего, сводня мне голову морочит. Выйду на улицу, подожду, пока Нэхамбо с ней наедине перемолвится.

Долго они толковали. Когда монах вернулся, рассказал:

— Девочки эти живы. По крайней мере — вчера были живы. Но отсюда ушли, со всем своим скарбом. Сестрица моя и не печалилась бы о том — не сбежали, за них откуп уплатили. Ухажёр старшей, стремянный господина Тохаку. Ты этого парня, небось, тоже тут видел — перед праздниками.

Не помню такого. Ну да понятно, что если и видел — мы друг другу не представлялись.

— Худо другое, — продолжает Нэхамбо. — Приказные-то сперва расспрашивали о девушках, а потом — о самом Тохаку, нашем новом наместнике. Надо будет разузнать — но, видать, из-за него всполошились. То ли он тут бумаги какие растерял, то ли ещё что... При обыске вроде бы ничего не обнаружили, только изъяли часть посуды и подушку с собачками вышитыми. В общем, попробуем узнать, что он в эту подушку мог запихать. Сам — или человек его...

Да уж. Ныне, когда сыскную часть в Полотняном приказе возглавляет родич мой Намма, недолго пронесишь жемчужину за подкладкой должностного платья...

На том и разошлись. Я всё-таки — домой, а

Нэхамбо — в храм или уж не знаю куда...

* * *

Дома всё тихо, но жена моя ещё не спит.

Так что сели ужинать.

Чего у нас только нет из снеди — теперь, когда госпожа Хатидзэ ждёт дитя. Один бобовый сыр — в трёх видах. А что за квашенные ягоды, я и не опознаю. Но вкусно.

— Что тут у нас происходит? — спрашиваю.

— А ничего. Батюшка заходил. Опять сказал, что завтра мы к нему переезжаем. Только это всё равно не получится. Потому что, во-первых, вата, во-вторых, собака, а в-третьих, Подгорный наместник. Никак не успеть!

Так я и думал. Но подробности лучше бы уже утром. Впрочем...

— Скажи: мне пора? Совсем съезжать отсюда.

Не знаю, как выразить. В общем, как-то так: насколько мне, дураку, кажется, ни тебе, ни Рэю я тут не мешаю. Но вот господину Намме...

— Зачем совсем-то? — удивляется Садако. — Мы ещё вернёмся. Я к этому дому уже привыкла. И потом: чем мы надольше у батюшки останемся, тем обиднее будет сестрёнке. Был бы то её брат или сестра, с кем все нянчатся, ещё бы ладно, а тут — ещё и племянники всякие...

«Мы», стало быть. Это не про служанок, не про меня и не про Рэя. Это про себя и вот этого, который родится.

Родится, подрастёт, наслушается материковых книжек. Спросит: а какой я был до рождения? Я скажу: большой и ярко-красный, и чисто-белый, и чёрный, жёлтый, зелёный — как в святилище. Дышал и перекачивался, как все боги. И виден был, если в сосредоточении.

Ты давай только родись, как следует.

* * *

Просыпаюсь от странного пения. Позднее утро уже, совсем светло, и за стенкой грубые молодецкие голоса тянут:

— *Веве-Вевиве!*

— *Вевы—ва-ву-вавува!*

— *Ва-у... у-вау...*

В Обрядовой палате меня такому заклинанию не учили. Хотя...

— *Вот! Над заливом! Цветы: распускаются. Прямо. У моря!* — читает Рэй. Терпеливо, с выражением.

Каких это недорослей он там обучает грамоте? Облачной, судя по стихам.

— Его земляки, — объясняет мне супруга. — Решили освоить наше наречие.

В Нанива стуже конец. Видимо — скоро весна.

С произношением у них пока тяжело. Особенно у старшего, судя по голосу.

Я выгляну на задний двор: любопытно, что за китайцы.

Одеты по-нашему. Можно принять за огородников или дровосеков, что близ города торгуют. Только странно, что загорелые, как летом. Кланяться вполне научились. И когда подглядывают за ними, сразу чуют. Самый длинный щерится, жмурится и молвит любезно:

— Ва-зу-вуй?

А самый маленький закрывает рот ладонями.

— Чтоб дурного не сказать, — поясняет Рэй.

— Вы чьи? — спрашиваю.

Учитель за них отвечает:

— Пока ничьи. Сами по себе!

Кроме шуток, восхищаюсь. Это ж надо было добраться до Столицы от залива Нанива, или откуда они шли — при таком выговоре! Не всюду письменно-то объяснишься...

Рэй им что-то сказал уже по-китайски. Да... Занеси

меня нелёгкая на материк, я бы там ещё забавнее выглядел... Ученики поклонились уже ему. Полусогнувшись, подошли к стене дома — возле двери, откуда я смотрю. Взяли оттуда другую дверь: обрешеченную, но бумагой не оклеенную. Ухватили втроём, проворно понесли куда-то.

— Ты не беспокойся, они обратно вернут, — говорит Рэй.

— «Обратно» — куда? Дверь, кажется, не наша.

— Откуда взяли. Не важно.

Из глубины покоя доносится голос Садако:

— Ну, как тут переедешь? Они ж как дети малые...

Занятно. Южные дикари у нас уже жили. Теперь — гости с просвещённого Запада. Ждать ли вскорости индийцев, земляков Просветлённого?

Дом наш тайно стерегут люди Полотняного приказа. Вчера я их не заметил, но сегодня вижу. И на глазах у них иноземцы преспокойно таскают дверь. Создают видимость переезда — для кого?

Умываюсь, причёсываюсь, возвращаюсь в дом.

Хорошо служить в храме. Можно не тратить половину утра на то, чтобы напудриться и накраситься. Супруга, правда, белилами не пренебрегает, сидит перед зеркалом.

Спрашиваю:

— Хотелось бы разобраться в сути наших проволочек. Про уроки я понял. А собака? А Подгорный наместник?

— Их-то как раз пока и нет. А надо раздобыть. Собаку — для сестрицы, наместника — для батюшки.

— Главное — не перепутать, — ворчит со двора Рэй.

Не жалуется он наместников. Как и прочие власти.

Где мы возьмём собаку, я даже не спрашиваю. Подозреваю: на её счёт идёт переписка с Государыней. Чтобы намекнула Властителю Земель, а тот бы дал указания псарю... Но насчёт господина Тохак — любопытствую.

Как и следовало ожидать, госпожа Хатидзё посвящена во все обстоятельства следствия. Не так давно исчез новый наместник — но беда в том, что его среди ночи увела со двора знакомая мне девица в платье с курочками. Или кто-то другой в том же наряде. А стремянный господина Тобаку тоже разыскивается.

— Вместе со своей зазновой, — говорю я. — По словам Нэхамбо, этот малый как раз её выкупил.

— Навырост? — спрашивает Садако. — Батюшка говорит, ей лет десять.

— Девиц там две. Названные сестрички. За наместником приходила маленькая, а стремянный влюбился в старшую. Сводня говорит, что отпустила обеих. Со всеми их пожитками. Куда — непонятно.

Супруга раздражённо перебирает в воздухе пальцами. Они в белилах: ни за волосы, ни за одежду не схватишься. А без этого думать непривычно.

— А во что был одет наместник? На случай, если одежда всплывёт.

— Уже в дорожное вроде бы.

— Плохо. Должностное легче найти. Особенно среди женской поклажи.

— Что могло случиться? — рассуждаю я. — Стремянный в день перед отъездом выкупает подружку и её напарницу...

— ...Домой, точнее, в дом гостеприимца, с ними не возвращается. А потом меньшая сестрёнка прибегает и говорит...

— «Ваш слуга в беде, спасите-помогите»?

— А вот нет! — жена хлопает-таки себя по колену. На штанах остаётся белый отпечаток. — Совсем наоборот. Про благодетеля своего так никакая девушка не скажет. По её словам, стремянный якобы пытался сбыть драгоценную вещь из сокровищ этого самого гостеприимца.

— Сбыть кому? Сводне?

— Не знаю. Батюшка сказал, что тамошний челядинец ему сказал, что девочка это говорила. А

наместник тотчас подхватился и с девочкой ушёл. Никого больше с собой не взял.

— А что сам гостеприимец?

— Господин Кома, который в отставке. О наместнике печалится. А насчёт драгоценности ему не говорили. Чтобы не волновать...

Рэй тоже поднимается на крыльцо. Говорит оттуда:

— Он как-то очень быстро затревожился. О родиче. И шумно. Я думаю: он сам подстроить не мог?

— Вполне мог, — госпожа Хатидзё всегда хорошо думает о людях, — только непонятно, зачем.

Ну, например:

— Нагадить родичу своему, Кома ещё служащему? Что-то я слышал: тот Подгорную должность с дворцовыми чинами обсуждал. Для племянника.

— Это надо будет спросить у Нэхамбо! У Государыни пока неудобно. А больше подгорцев под рукой нет.

— Да, чтоб не упустить: сводня и обе красотки тоже родом из края Ямадо.

Жена не спрашивает, откуда мне известны такие подробности. Задумчиво предполагает:

— Пытаются спасти свою родину? От разорения? Или... Слушайте, а сколько стоит выкупить пару девиц из весёлого дома?

Понятия не имею. А мог бы, наверное, знать. Чем курочек дарить, забрал бы ещё осенью обеих девушек от сводни: честнее было бы. Да, и сдал бы в уединённый монастырь...

— Смотря какие девицы, — прикидывает Рэй. — Тут одна может стоять, как десяток других. Или как сотня даже, если красавица знаменита.

— Ты таких случайно не рисовал? — спрашивает Садако невинным голосом.

— Для продажного объявления? Нет. Так что, может, и не как сотня. Но всё равно недёшево, если насовсем забирать. Двадцать годовых пайков самое малое. А скорее тридцать. Это за одну. Так что

пятьдесят за двух, где-то так.

— Спрашивается, — подхватываю я, — откуда у стремянного слуги такое богатство?

— Особенно если считать, — говорит жена, — что господин его правда неподкупный чиновник. Или это он неподкупен, а все взятки его люди брали? На прежнем месте службы.

— Так бывает, — соглашается Рэй. — А потом преданный челядинец спасает впавшего в бедность господина.

— Или выкупает господина похищенного. Сам или вкладчину с товарищами по службе. Будь я сводней, я бы, наверное, мог так рассудить: не последние же средства парень отдал за девок? Ещё осталось и на барина...

Рэй усмехается:

— Тогда всё было бы просто. Если он бегаёт по городу, ищет деньги, собирает припрятанное — то такие места проверить можно.

— То есть слуга-то не пропал, это его товарищи сыщикам голову морочат?

Я уже запутался, кто кого по-нашему спасает.

— Барина выманили на слугу, — соображает госпожа Хатидзё. — Слуга тем временем ещё не пропал. А, допустим, со сводней сделку отмечает. После этого слуге говорят: гони выкуп за барина. Или в другом порядке? Сперва слуга, за слугою барин, а цель — господин Кома? Точнее, его сокровища, которых уж заведомо больше, чем любых взяток?

— Тогда я даже знаю, — говорю, — какая это могла быть вещь. Её старик Кома точно не уступил бы и не сменял ни на что, отдал бы только под страхом смерти. Своей или любимого родича. Это Пёс Кудары.

Садако и Рэй вместе спрашивают:

— Чей-чей?

Ну, да. Мы же охотимся за собаками в последнее время.

— Медный пёс, курильница. Есть на Восточных

холмах такой храм — Кудара. Назван в честь погибшего заморского царства. Главный почитаемый в нём — Просветлённый Сякамуни, изваянный мастерами той страны: прежде стоял во дворцовой молельне царя Кудары. К изваянию полагались две парные курильницы. Они одинаковые, но у левой пасть раскрыта, и это Лев. У правой закрыта — это Пёс. Род Кома их к нам и привез, но в храм не отдал. Держат у себя. У отставного Комы Пёс, у служащего — Лев. Оба ими страшно дорожат.

— А дым у них откуда валит? — спрашивает Рэй неприлично.

— Отовсюду. От всего тела. Они такие будто бы кудрявые, а на самом деле в дырочку. И глаза должны светиться, когда внутри благовония горят.

— Хорошо, — заключает госпожа Хатидзё. — Тогда у нас ещё двое подозреваемых. Второй Кома и... Кто там настоятель в этом храме?

— Скорее уж распорядитель. Я его знаю, могу попробовать разведать. Сам он едва ли кого похитит, а вот не заводил ли кто с ним речь о курильницах...

— Тогда ты займись храмом. А ты, — госпожа Хатидзё кивает Рёю, — проверь потайные места. Где могут быть вещи наместника, тело наместника или он сам. И слуга его тоже, конечно.

* * *

Обветшалый храм Кудара отражается в луже. Весь, вместе с башней. Выстроен он, на самом деле, не на Восточных холмах, а под ними. Место низкое и мокрое, особенно весной.

Угловатая, резких очертаний, столетняя слива. Веточки — как иглы. Цветов мало, но — тёмные, почти красные. Ради них одних стоило сюда прогуляться.

Монахов не видно, но слышно: молятся в храме. Хороший звук: старческое тихое чтение и медный, несильный отзвук от изваяния. От каждой складки

плаща Просветлённого, от каждого завитка лучей в его сиянии.

Загляну. Вот он, кударский Будда.

Глупо было бы держать на виду Пса, даже если здешняя обитель его и добыла. Сейчас перед изваянием благовония не курятся вообще.

Распорядитель, господин Сайхаку, у себя в домике. Отворил не раньше, чем я назвался.

— Место у нас глухое. Боимся святотатцев...

Вот и хорошо. То есть плохо, но есть повод спросить:

— Посягал кто-то на святыню?

Сайхаку — лысый, сухонький, как сверчок.

Говорит:

— Под нами присталичная земля дорогая. Сожгут... Нам ведь потом не отстроиться...

— А что же дарители ваши, господа Кома?

— Это слёзы, а не дарители. Видите вот, — он указывает на лужу. — Я просил насчёт работников. Канава засорилась, стока никакого. Господин смотритель ворот мне заявил: сами напрудили, сами и расхлёбывайте. Он человек прямой...

— Нехорошо как.

— Куда уж хуже. Братия престарелая, нездоровая. А миряне... На новый год — видите, что нам поднесли?

Приглашает меня заглянуть за дверь, в домик. Там стоит корзина с луком. Репчатым, отчасти проросшим.

— А мы соблюдаем устав, пряных растений не вкушаем. Да и вредно старикам: пучит.

— Меняете?

— Не можем поощрять собратьев к нарушениям заповедей... — с сожалением молвит Сайхаку.

— Не для монахов. Мирян угостим. Чтоб они потом уст не отверзали. А то у нас учёные споры случаются...

— Да ты заходи. Обсудим.

На обмен у храма Кудары есть не только лук. Ещё несколько связок сушёных кореньев, плодов и трав, а также две бочки солений. Не знаю, весь ли этот набор

овощей перепробовала уже госпожа Хатидзё, при теперешних её странных вкусах.

Нуждаются монахи всего более в одежде и рисе. Можно будет устроить.

— А по части храмовой утвари у вас как?

— Самое необходимое есть, сверх того позволить себе не можем. Да и подумай сам: что с той утвари, если братия перемрёт? К нам не то чтобы валом валят молодые крепкие послушники в обучение... Нет уж, по части утвари — обойдёмся.

Кажется, приобретать дорогие курильницы даже за полцены или меньше тут никто бы не стал. За милостыней монахи не ходят: боятся, как бы в городе их не ограбили. Вот и живут тем, что принесут прихожане из бедных огородников... С грабителями и похитителями едва ли эта обитель связалась, даже для пополнения казны.

— А не посещал ли ваш храм в минувший месяц господин Тохакү? Тоже ведь не чужой роду Кома?

— Надо отдать должное: достойный юноша. Сам я его не видел уже очень давно, но он к новому году нам кое-что прислал, поддержал... Сами-то господа Кома жертвуют, считай, раз в год — на день падения царства Кудара. А кушать всё время хочется...

Сайхаку чуть приободряется:

— Нехорошо так говорить, но теперь на молодого Тохакү вся надежда. Хорошо бы он заглянул, поглядел на скудость нашу. Он-то, небось, считает, что у нас тут такая же роскошь, как у дядей его! Неловко так говорить, но тут уж всё упование — на то, что рано или поздно явит щедрость. Наследник господина Комы — не шутка!

— Которого? Я, признаться, и не знал...

— Ну, это, конечно, пока не объявлено... Но хранитель сокровищницы не так давно к себе приглашал нашего настоятеля, советовался. По всему выходит — надумал состояние племяннику оставить: сыновей-то нет. Настоятель вернулся — и смеётся, и

плачет. С одной стороны, господин Тохаку слывет человеком и благочестивым, и не жадным. А с другой — наши-то монахи редко в Столице бывают, обидно смотреть, какие богатства накоплены — и хоть бы вспомнили о наших нуждах! Знаешь, чем Кома настоятеля оделил за советы? Тремя зонтами и шестью соломенными туфлями! И то из них четыре — непарные!

Это уже какой-то обычай у жителей Столицы. Разрозненные туфли, разновеликие колёса...

Откланялся я. Останавливаюсь во дворе. Храм, дерево и лужа...

Вчера во взоре тестя моего читалось: уж тебе ли, потомук древней знати, ходить по шлюхам? Тебе бы и царевна какая-нибудь не отказала, и родовитые девицы и дамы все — на твой выбор. Путайся, дескать, с ними, а нас, служилых, оставил бы в покое...

Будь мне эти дамы даже и нужны... У меня со стихами плохо, ухаживать не получится. Разве что вот так:

*Дым не клубится
Над медью старинною
В храме Кудара.
Суетный гость не сломил
Ветви в багряном цвету...*

Ветку сливы монахи предлагали, я вместо того попросил кисточку здешнего сушёного перца: для образца. Занесу на Восьмую улицу, привязавши к стихам. Вместо отчёта. А сам схожу в Облачную обитель. Вышлю кого-нибудь сюда с плащами, рисом и тачкой. А заодно переговорю с Нэхамбо, ежели он там.

* * *

— А Нэхамбо нету! — ябедничает мне привратник.
— Днями нет, ночами нет... Когда он спит-то?
— Быть может, наставник уже свободен от

потребности в сне.

— Или господа воеводы его потребностей не замечают...

Что-то не нравится мне всё это. Наверняка те места, где мог застрять наместник по доброй воле, уже проверены и перепроверены. Их же не так много у любого столичного жителя. А у гостя — и того меньше. Где бывать по службе, где отдыхать, развлекаться, молиться, строить козни — каждому предудказано по чину и роду. Если же господин забредает в несвойственный себе уголок, это почти наверняка оборачивается худо. По опыту знаю...

У китайца Рэя, как мне передали дома, без меня созрело ещё одно соображение. Уж не замешано ли в деле любовное зелье? То есть: красоток выкупил не слуга, а господин, только не по собственной охоте, а будучи опоен. Причём приворотное снадобье ещё действует, и он, забрав девиц, где-то с ними уединился и обо всём забыл. Включая чин, и род, и улицу, где живёт его дядя. Или тайно выбрался из города и куда-то сопровождает девушек...

А по-моему, возможен и другой неприятный расклад. Выкуп добыл сам слуга, наместник ни при чём. Стремянный подрядился за плату сделать что-то лихое. Убить, запугать, ограбить... И его очень скоро выследили те, кто от него пострадал. А может, наоборот, заказчики решили от парня избавиться.

Зачем избавляться? — возразила мне на это госпожа Хатидзё. — Раз он теперь у них в руках, то и будет на них работать, пока им не надоест.

А господин попробовал выручить своего слугу и на этом погорел?

Но не зная, что натворил стремянный, этого не проверишь. Можно спросить у господина Наммы, не знает ли он о каком-нибудь дерзком нападении в Столице в недавние дни — или о чём-то похожем.

Да: носильщики от него на Восьмую улицу приходили. Супруга моя их спровадила. Мы не готовы,

всё ещё не готовы... К тому же, у нас теперь есть свои трое грузчиков, и если воспользоваться услугами других, наши решат, что не справляются — и могут утопиться. От стыда.

— Это они тебе сами сказали? — спросил я.

— Они по-облачному таких слов ещё не выучили. Но я их так поняла.

Так что насчёт городских происшествий у своего батюшки Садако пусть лучше спросит сама. Я боюсь.

Раз Нэхамбо в нетях — соберу припасы для храма Кудара сам. Договорюсь о доставке. Составлю сопроводительное письмо: чтобы у тамошнего распорядителя и монахов не возникло и тени подозрения, что Облачная Роща собирается наложить руку на их обитель. Наш обмен основан исключительно на сострадании и взаимной выгоде.

А пока, за неимением лучшего, можно заняться предположением о приворотном зелье. Сам я в него не очень верю, но имеет смысл посоветоваться со знатоком. Про одного такого знатока я даже знаю, где он живёт: это войсковой лекарь, тоже, кстати, подгорец — мы с ним встречались на проповедях Нэхамбо. Он даже, помнится, предлагал заходить — но без повода я постеснялся. Обитает он тоже на Восьмой улице, только в Западной части города.

У лекаря нет отбою от посетителей. По крайней мере, от одного: здоровенный малый в воинском платье ломится в ворота и ревет о своих срочных нуждах. Из-за забора его увещевают старичок и старушка. Довольно неразборчиво: они, кажется, не местные, а от страха и вовсе плохо изъясняются на Облачном наречии. Насколько я могу понять, лекарь куда-то ушёл и с тех пор не возвращался, к тревоге и недоумению домашних.

— А мне что ж — помирать? — грозно вопрошает воин, когда я ему пересказываю, что разобрал. — И не ратной смертью, а от срамной болезни? Нет уж! Я на сегодня с лекарем договаривался — так что пусть хоть

из под земли достанут!

О неподобающем недуге теперь уже извещена вся улица. Кое-где головы торчат из-за заборов, а некоторые и из соседних ворот выглядывают. Обращаю на это внимание страдальца и предлагаю, за неимением лекаря, прибегнуть к помощи монахов: молитвы Целителю втуне не пропадут, а огласки получится меньше.

— Проверял? — с подозрением переспрашивает воин.

— О да!

Он подмигивает мне:

— То-то лицо знакомое! Теперь вспомнил, где тебя встречал! — и удаляется.

Старики благодарят, многословно и неразборчиво. Слуги лекаря... Может, попробовать письменно с ними объясниться?

Прошу дозволения войти. Пропускают. Пишу на бумажке материковыми знаками: «Верно я расслышал, что наставник не принимает?» Старик прочёл, приписал: «Так и есть». «Могу ли передать ему записку?» — «Да, конечно, но мы не знаем, когда господин вернётся. Осмелимся просить помощи: надо доложить властям...»

Из дальнейшей нашей переписки выясняется: позавчера под утро лекаря вызвали к больному. Прибегала за ним девочка в узорном платье. Лекарь предупредил, что вернётся к полудню — да так и пропал.

Подать письменное заявление в городскую стражу старый слуга не решился. Не будучи знаком со здешним делопроизводством...

Заверяю, что меры по розыску будут приняты. Только начать придётся не со стражи. Хотел бы я знать, где сейчас вернее застать моего тестя. Дома? В Полотняном приказе? На Восьмой улице?

Лекарь — уже пятый пропавший, связанный с Подгорьем.

Сам Облачный Богатырь так расторопно не управился бы, очищая город от своих вековых супостатов Ямадо...

* * *

Повезло. Вот он, господин следователь: стоит посредине главной площади, недалеко от поворота на Восьмую. Слушает доклад каких-то приказных. Подхожу, кланяюсь.

Тесть подаёт мне знак — не уходить.

Приближаюсь. Прислушиваюсь.

— Трое, мал мала меньше. Уносили тело из того самого дома. На носилках.

— Похоронщики?

— Нет! Подозрительные. Одеты непонятно, головы замотаны.

Ох. Не наши ли это трое иноземцев?

— Куда двигались?

— Не к воротам, а вглубь города. Точнее пока не выяснено.

— Продолжайте, — отпускает Намма своих людей.

— Найдёте толкового свидетеля — прямо ко мне.

Разворачивается, смотрит вопросительно.

— Лекарь пропал, — говорю. — Ещё один подгорец. В ту же ночь, под утро. Приходила за ним та самая девочка или очень похожая. Сказала, что кто-то заболел... Свидетели — лекарские слуги.

— К кому его вызывали?

— Этого слуги не поняли. Они китайцы, снадобья готовят в лекарской усадьбе. Облачное наречие знают слабо. Сам наставник... Насколько я знаю, он оказывает помощь девушкам из того же заведения. И посетителям, бывает, тоже. Сведуц в любовных недугах, но может и после драки перевязать.

— И добить, если надо? — мрачно уточняет господин Намма. — И скрыть следы насильственной смерти?

— Нет. Не такой человек. Но получается: все, кто связан с этим домом у Западных ворот, исчезают один за другим...

— Не все, положим, — следователь укоризненно оглядывает меня.

Да. Я нашёл куда таскаться. Храмов мне мало, проповедь негде послушать.

Да что же делать, если по храмам Нэхамбо не выступает?

— Лекарь этот при каком-то ведомстве числится? Или беззаконный?

— Войсковой. И притон войсковой — для средних чинов.

— Это, пожалуй, хорошо, — неожиданно заявляет средний советник. — Значит, люди казённые. Наше дело. Пойдём-ка туда, поглядим, остался ли кто ещё в этом заведении... из твоих знакомых.

Да, лекарь — не наместник, тут так тщательно скрывать исчезновение и розыск не обязательно. Показываю дорогу, как почтительный младший родич.

Иду и думаю: могли наши грузчики, не долго думая, подрядиться перетащить покойника? Или раненого, избитого? Они китайцы, у них о скверне понятия свои... Могли, пожалуй, и вовсе не спросить, что за ноша на носилках.

Как договаривались с нанимателем? Через переводчика, Рэя.

И потом являются на Восьмую улицу. Ходят возле Садако. Я бы почувял, что эти трое осквернены недавно, а не просто от них нечистым тянет, как от любых недавно прибывших чужеземцев? Может, да, а может, и нет.

Всем хорош китаец. И нравом, и повадкой, и художник редкостный... Только если что надо сотворить против закона — Рэй рад стараться. Даром что в Облачной державе ни одна из властей ему пока ничего дурного не сделала. Привычка!

Сперва кажется, что мы опоздали: стучим, кричим — нет ответа.

— Ладно! — заявляет Намма должностным голосом.

— Опечатываем.

— Зачем? — раздаётся голос сестрицы Нэхамбо, и ворота отворяются. — Не надо, господин хороший! Зачем же живых людей-то опечатывать!

— Сейчас поглядим, — следователь отодвигает её и заходит во двор, — кто тут у вас живой, кто мёртвый.

— То допросы, то обыски, то обыски, то допросы... — ноет сводня. — Когда прикажете работать-то?

— Над чем работать? У вас тут по бумагам — запустелая усадьба. Подлежит перестройке. С выдворением незаконно заселившихся. По месту приписки!

— А норы? — спрашивает хозяйка сварливо.

— Какие ещё норы?

— Лисьи. Их вытравить должны. По бумагам.

По закону, видимо, полагается. Раз усадьба числится запустелой, в ней должны ютиться дикие звери. И по ночам перекидываться красотками?

— Отраву запасли? — походя бросает ей господин Намма. А сам поднимается в дом.

Кажется, сводня сама усугубила свои несчастья. Нет отравы? Недосмотр. Есть отравы? Преступление.

Подушку давеча уже изъяли. Если теперь весь дом перетряхнут ещё раз, заберут всё, где может быть спрятана отравы... Всю выпивку, весь запас закусок... А ещё ведь бывают отравленные гребни, украшения, одеяла...

Хозяйка смотрит на меня. С горькою обидой. Кажется, я и тут окажусь виноват. Ходил, гостил, а у самого — тесть в Полотняном приказе!

— В общем, так, — говорит следователь, усаживаясь поудобнее. — Имеются свидетельства, что позавчера к вам направился казённый лекарь военной палаты. Обрато он не вернулся. Начальство его пребывает в неведении... пока. Кто у вас тут — от

вашего покровителя? Зови.

И в самом деле. Заведение это по закону не существует. Но действует: с ведома и по негласному дозволению дома Ямадо. То есть войскового начальства. Вопрос: почему при всех допросах и тревогах здесь ещё нет никого из крепких подгорных вояк — присмотреть и защитить, ежели что? Не прислали, похоже. И даже писем Полотняный приказ, как видно, не получал: пощадите, мол, наших девочек, а мы уж сами разберёмся, что они натворили...

Молчат благодетели. Даже распоряжений не отдали, как выкручиваться. Бросили? Или сами же и сдали? Но для такого бессердечия — очень веская причина нужна. И кажется, тут знают, что это за причина.

— А, пишете! — взмахивает рукавами сводня. — Потому что мне бояться нечего. Мои девочки тут ни при чём. А которые, может, и при чём — так те уже не мои!

— А чьи же?

— Как чьи? Теперь они, видать, — люди господина нашего наместника!

Какое, оказывается, непростое дело — записывать показания. Но раз уж при господине следователе есть кто-то младший и грамотный, то ясно, кому быть писарем. А я не помню: следует ли в таком случае пользоваться буквами — или сразу можно перелгать на казённое письмо?

Получается у сводни вот что. Были у неё две такие девушки, вроде как названные сестрички. Насколько хозяйка знает — из честной крестьянской семьи, каких-то их родичей я записал, только все они — в Подгорье. Или, по крайней мере, жили там несколько лет назад. Хаживал к девицам служилый молодец от господина Тохаку. По сердечной страсти или по делу — хозяйка не уточняла, сам говорил, что, мол, по сердечной. И даже посулил с год назад обеих выкупить — дайте только срок. Откуда у него такие средства — это сводня опять же не любопытствовала. И

действительно, не соврал: два дня назад явился днём, принёс выкуп — частью деньгами, частью рисовыми расписками. Всё честно, она посчитала. Собирайтесь, говорит!

— Девушки и начали собираться, радёхоньки! А попозже и сам господин Тобаку к нам пожаловал — выпить чарочку да поздравить своего человека.

— А потом?

— Потом ещё чарочку. А затем удалиться изволил.

— Куда? И с кем?

— Куда — это он мне, знаете ли, не сказал. А с кем? А ни с кем. Один-одинёшенек!

— Так, — господин Намма прищуривается, — А человек его ещё тут оставался или раньше ушёл?

— Позже, позже, уже к утру ближе. Девушки хорошие — как им впопыхах-то собраться? Всё добро своё уложили на носилки, да так втроём и ушли, покинули кров мой. Я, вся в слезах, их до ворот проводила, а куда дальше отправились — не ведаю.

— А лекарь?

— Ну вот хоть попытайте, господин начальник — не было у нас никакого лекаря! Уже дней пять не появлялся! Забывать стал!

Следователь хмуро смотрит в искренние, слезами омытые глазки подгорки. Качает головой:

— Этого мало. Где они сейчас могут быть?

— Не знаю, — разводит сводня руками. — Про лекаря и про наместника — даже гадать не берусь.

— А девицы?

— Ну... Когда-то, пару лет назад, один щедрый посетитель старшей вроде как предоставил домик для особых нужд... Не домик даже — так, служебку какую-то. При военных складах. Только уж не обессудь, господин: сейчас нипочём не вспомню, который это был из тамошних чиновников! Да он теперь вроде и не в столице — перевели куда-то... Может, и сгинул уже в бою, бедный!..

Средний советник Намма поднимается во весь свой

невеликий рост. Грозно смотрит в затылок бьющей поклоны хозяйке. Молвит:

— Опечатывать пока не буду. Бежать не вздумайте — ни ты, ни девицы твои. Дом ваш под присмотром. Гостей до моего разрешения не принимать.

— Ох... А если настойчивые?

— А если настойчивые — пришлю вам казённую бумагу с печатью, что у вас тут мор. Смертный. Список — городскому глашатаю!

Да... А встреченный мною сегодня воин подтвердит: точно, зараза там.

И разгонят эту подгорную лавочку. И потянутся сводня и питомицы её с пожитками от Западных ворот — к нам на Восьмую улицу. Скажут: не стало нам житья в Облачной Столице, хотим за море податься. Там-то весёлые дома по закону разрешены. А для начала желаем изучить китайский устный, чтобы с гостями там любезничать... И ведь Рэй не откажет. По намёкам, его матушка в стране То как раз содержит кабак с девицами...

Шагаю следом за тестем к военным складам. К тем, что в городе, а не во дворце.

Эта часть Столицы застроена почему-то особенно густо и наспех. Вместо ровных улиц — какие-то закоулки.

Завернули за угол. Впереди нас... Аварэ, а ведь это наставник мой! Нэхамбо!

Да не один! С ним девочка. Одета полегче, не в то пресловутое платье — но, кажется, это та самая девчонка!

Тесть их тоже заметил. Киваю: да, она. Господин следовательно молча прибавляет шаг. Поспешаю за ним.

Вот и склады за перекрёстком. Справа видны большие ворота. Но не к ним, а вдоль стены направляется девица. Уже почти бегом. Нэхамбо — за нею.

Мы — следом. Вот, отсюда уже видно: там боковой вход. Обращён к проезжей улице, раскатанной

тяжёлыми возами. Только не прямо, а чуть дальше по проулку. Хитро тут всё устроено. Чтобы со стены стрелять было удобнее по мятежникам, если вдруг те прорвутся к складам?

И из улицы наперерез нам — движется шествие. Пешие и верховые, свита господина Правого советника Ямадо. И сам он на чалом коне.

Нэхамбо и девчонка проскочили. Нам — не успеть, мы уже на виду у войсковых.

Господин Ямадо поворачивается. Подымает бровь. Кланяемся.

— Займи его разговором, родич, — тихонько велит мне тесть. — О чём угодно и подольше.

Буду знать теперь, каким голосом посылают бойцов в наступление.

Что говорить-то? Пытаюсь сообразить, а сам шагаю к всадникам. Не вижу, но надеюсь: пока свита отвлеклась на меня, господин Намма проскользнул мимо неё к воротам.

— Имею сообщить...

Ямадо чуть склонил голову, смотрит на меня с неподвижной улыбкой, явно скрывая нетерпение.

А, знаю!

— Хотел бы тебя заверить. Как бывший жрец и как нынешний храмовый распорядитель. Я не знаю, в чём причина нынешних событий... Но одно могу подтвердить: это не Богатырь!

Так ведь и правда Облачный Богатырь не виноват. В обители я был сегодня. Если бы из кургана чуялось какое-то чудо, монахи уже бы всполошились.

Правый советник моргает. Мрачнеет. Приподымает руку с поводьями:

— Не здесь. Присоединяйся.

Ещё не легче: войсковой стремянный подводит мне коня...

Нэхамбо, монах из храма Облачной Роци

«Еле нашла тебя, наставник»... Тебя саму, похоже, еле-еле не нашли! — «А, не важно!» И кланяется: «Просим помолиться за господина». А что с ним? «Не жив, не мёртв!»

За покойников монах молиться умеет. За живых тоже доводилось. Чтобы и мёртвый, и вместе с тем отчасти живой, беспокойный, — бывает. Но вот так ни разу не приглашали: когда ни то, ни другое.

Но это не причина отказывать. Побежали.

Не живых и не мёртвых теперь хранят, как выяснилось, на оружейных складах. Здание мощное, бревенчатое, без дверей, с окошками под самой крышей. Охраны никакой не видать. Да она, кажется, занята: бегаёт гуськом за господином нашим Правым советником Ямадо, раз уж тот нагрязнул с проверкой.

Дверка — наподобие лаза в храмовой башне. За нею кто-то бубнит:

— Ну сделайте хоть что-нибудь, наставник!

— Дождёмся уж... — откликается ему лекарь. Наш, подгорский.

— Чего дождёмся-то?!

— Чуда...

Упование — это правильно.

Внутри склада темень. Большие сундуки и бочки. За ними теплится лучинка.

Там разобран уголок, на полу циновка. На циновке тело, подле него — лекарь и старшая из названных сестёр с какой-то миской. А ещё парень: вроде бы тот самый стремянный, Нэхамбо его мельком видел в подгорском заведении.

И у всех кроме лежащего вид очень усталый. Младшая сестра выдыхает:

— Вот!

Нэхамбо подходит поближе. Садится.

Дышит ли тело — не разобрать. Одно видно: это новый наместник края Ямадо. Крепкий ведь мужчина-то, и не старый ещё...

— Что с ним? — спрашивает монах.

Парень с девицей переглядываются. Лекарь отвечает сердито:

— Господину, видать, не спалось. Эти, заботливые, — кивает на сестриц, — подали ему сонного зелья. Моего. Каждая по чарочке.

Монах только присвистывает.

— Именно, — соглашается лекарь. — От одной засыпают. От двух полагалось бы помереть. Наше счастье, что он третий день... Лежит вот. Что дальше будет, понятия не имею.

— Мы не нарочно... — всхлипывает старшая. Младшая объясняет:

— Просто договориться не успели.

Да ведь хорошее лекарство-то. В своё время распорядитель Хатидзэ им с одного приёма от пьянства исцелился. На разных людей, конечно, по-разному действует...

— А перед тем сколько выпил наместник — считали?

— Браги-то? Да почти ничего. Чарочки три.

— Но то у нас. А ещё прежде, дома — кто его знает...

— Господин вообще у нас не то чтобы пьющий сильно, — подаёт голос парень. — Особенно перед дальней дорогой.

Насколько видит Нэхамбо, ран или побоев на недужном нет. Коли даже свалился тогда, голову не расшиб. Лицо чистое, мокрой тряпицей обтертое.

Ну, что ж. Значит, молиться — как за живого.

Не пересаживаясь, прямо над телом, монах призывает Просветлённого, Закон его и Общину — дать прибежище. И дальше — «Так я слышал...», и первые слова книги о Наставнике-Врачевателе.

— *Однажды Победоносный, странствуя по разным землям, прибыл в город Обширно-величавый и остановился под Певчим древом. Было с ним восемь тысяч учеников, милосердных подвижников — тридцать*

шесть тысяч, а ещё государь той страны, великие сановники, жрецы, домохозяева, небожители, змии и иные существа, люди и нелюди — неисчислимо огромная толпа с почтением следовала за ним, а он учил их Закону...

— У-ннн... — стонет недужный и открывает глаза.

Миска падает на пол. Ах! — вскрикивает старшая девица. Младшая хлопает в ладоши, лекарь хватается руку больного, считает пульс. А стремянный падает в поклоне, лбом об пол:

— Виноват, господин!

Монах продолжает читать нараспев, как ни в чём не бывало. Это проповедника перебить каждый может, а тут — сутра, прерываться нельзя.

Господин Тобаку пытается отвернуться от лучинки. Спрашивает невнятно:

— Где я?

— Среди своих, — заверяет лекарь.

Все тут тебе теперь свои, господин наместник. По крайней мере, до следующего твоего назначения.

— Тут, барин, вот что приключилось...

Тобаку прислушивается. Узнаёт голос. Велит:

— Об-бращайся по чину.

— Так ведь — господин наместник!

Тот щурится:

— Наместник чего?

— Да Подгорья ж...

— О-оо! — голова недужного падает опять на циновку. Лекарь подаёт знак девицам: воды! Да воды, не перепутайте!

А что, Тобаку надеялся, ему всё приснилось? В том числе и Подгорская должность? А на самом деле он всё ещё на Востоке служит?

Наместник отхлёбывает. Перекатывает воду во рту. Прислушивается к причитаниям стремянного, к чтению монаха, к неразборчивому ворчанию лекаря. Глодает. Упирается уже осмысленным взором в своего челядинца:

— А собака...?

— Что? — не понял было стремянный. — А! Не беспокойся! Собака там, у господина смотрителя ворот. Как ты и велел.

— А у нас собака пустячная, не старинная, — подхватывает старшая сестра.

— Помните? Да вот она, — младшая вытаскивает откуда-то из темноты курильницу. Незажжённую, дешёвого вида, со вмятиной на боку.

Из-за сундуков выглядывает белое лицо среднего советника Наммы. Он ничего не говорит, только рукой машет: вы продолжайте, я слушаю. И записываю.

Госпожа Хатидзё, урождённая Намма

Я же говорила: переезжать мы сегодня не будем!

Потому что надо всё обсудить. Батюшка и супруг пришли вместе. В кои-то веки говорят друг с другом о деле. Я тоже не осталась в стороне.

— И вот, — рассказывает господин следователь, — не успел монах пропеть первые слова своей молитвы, как потерпевший очнулся и стал давать показания.

Господин храмовый распорядитель кивает с видом: да, этот случай мы приобщим к записям чудес нашей Облачной обители.

— Я не поняла. А зачем они его усыпляли?

Муж и батюшка переглядываются. Потом господин Намма начинает с расстановкой:

— Видишь ли, эти девушки боялись, что не успеют собраться. К отъезду подготовиться.

Из всего-то надо вывести назидательный пример!

— То есть наместник был не против, чтобы его стремянный их выкупил?

— Всецело поддерживал. В том числе средствами на выкуп.

— Надо же, какой щедрый, — что-то меня это настораживает.

— На самом деле, — мрачно говорит батюшка, — тут получилась довольно грязная история. Помнишь, я поминал про медную собаку?

— Что стремянный мог её украсть и пропить? Помню.

— Так вот, он оказался не нерадивым и гулящим челядинцем, а совсем наоборот. К сожалению. Господин Тохаку всюду с ним ездил. Вот, когда наместник был у смотрителя ворот, парень и услышал: никакой иной благодарности за хлопоты этот Кома принять не желает — разве что кударского Пса в пару к своему Льву. Тохаку оказался в глупом положении: никак не мог решить, с которым из своих дядей повести себя, как неблагодарная скотина. А преданный стремянный надумал избавить его от этих сомнений. Пса украл и смотрителю ворот отнёс. По крайней мере, так он утверждает.

Когда господин следователь употребляет подобные оговорки, это значит: свидетелю он верит не более чем наполовину.

— Так. А господин Тохаку случайно сам не просил его избавить от терзаний неопределённостью?

— Если и просил, — вступает мой супруг, — то никто в этом теперь не признается. Неудобно!

— Ну хорошо. Не просил. Стремянный явил истинную преданность. А наместник не смог оставить сие неуместное рвение без награды, так?

— В общем, да. Тем более что насчёт своей страсти к той девице парень весь прошлый год ныл, как я понимаю.

Могу себе представить...

— А сама-то девушка? Её пожелания кто-нибудь узнавал?

— Ну, она-то не то чтобы весь год ныла, — с некоторой запинкой говорит мой супруг. — Но сейчас утверждает, что этого парня любит. И сестрёнка её к нему привязалась. И вообще...

— И вообще возвращаться ей, может, и некуда, —

добавляет батюшка. — Потому что в заведении этом... в общем, придётся наводить порядок. Пока это был притон распутства — ну ладно, пусть это остаётся на совести Военной палаты. Но когда обнаружилось, что там гостей отравой потчуют... Мне нехорошо стало, когда выяснилось, сколько им лекарь этого зелья в год поставляет!

Иногда батюшка решительно отказывается понимать простые вещи!

— Ну надо же и этим девушкам когда-нибудь дух-то перевести! А так — воин спит, служба идёт... Уж лучше пусть дрыхнут в весёлом доме, чем на карауле!

На это господин следователь не изволил ответить, но продолжил свой рассказ:

— Итак, стремянный отдал украденного Пса смотрителю ворот. Получил награду, понёс к сводне. Расплатился. Девицы собираются. Надо заметить: у них не всё добро хранилось в весёлом доме. Часть имущества — на складе. Один из прежних посетителей им там по дружбе сдал закуток. А тут ещё младшая сестра сбегала проверить и увидела, что на склад не пробраться: там господа Ямадо переучёт затеяли. Внезапно, в праздничный день, как это им свойственно. Стремянный торопит, говорит: господин на рассвете выезжает! Бросайте всё, идём! Девушки придумали, как задержать наместника. Кавалеру своему ничего не сказали, а младшая меж тем побежала в дом Комы. И рассказала, вернее, намекнула про курильницу. Об этом деле сёстры знают: у них несколькими днями ранее парень прятал этого самого Пса. У сводни же есть собственная курильница в виде собачки, а может, и какого-то другого зверя, не старинная, особой ценности не представляет. Расчёт у девиц был такой. Наместник спохватится: как так Пёс Кудары оказался в весёлом доме, он же давно должен быть у дядюшки!

— «Мой челядинец обманул меня»? Этак до удара довести можно...

— Господин Тобаку помчался в это заведение. Там

ему, как и собирались, показали местную курильницу. Наместник: уфф, нельзя ж так пугать-то! Девицы просят прощения, предлагают подкрепиться на дорожку. Одну чарочку поднесли, другую... Тохаку несколько успокаивается, выпивает ещё. И в этот раз младшая девчонка ему подносит вместо браги сонное зелье. А вскоре после неё старшая подаёт ту же смесь. Случайность, видите ли! Наместник падает без чувств. Стремянный его тормозит — без толку. К утру послали за лекарем. Тот пробует разные противоядия — не действуют. Господина Тохаку переносят на склад.

— Они втроём и несли? — спрашивает господин Хатидзё. — Челядинец и две девицы, мал мала меньше?

— Похоже, что так. Без малого двое суток наместник лежал пластом. Наконец, решились вызвать монаха Нэхамбо.

— А кстати, где он? — спрашиваю.

— Скоро сюда придёт. Со склада лично сопровождал наместника со всею его... скажем, свитой. В дом Ямадо, для объяснений.

— Насчёт неуставного использования складских помещений?

— Хуже. Что так не поступают с господами, которые устроили тебе назначение в одну из лучших земель Облачной державы.

Супруг кивает:

— Потому что, как и следовало ожидать, смотритель ворот тут ни при чём. Он человек прямой и чужд семейственности. Хотя порою и не чужд хвастовства. Тохаку всем обязан именно Подгорному дому.

Соображаю:

— А прежний наместник? Он, получается, не замешан?

— В этом деле — совершенно ничем, — разводит руками батюшка. — Почтенный человек. Щедрый жертвовател на храмы...

И как-то странно смотрит на господина Хатидзё.

Из-за раздвинутой переборки слышится:

— Господин средний советник! Вот так и сиди пожалуйста!

Рэй делает наброски.

— Всё, благодарю! Настоящий взор Подземного Властелина!

Это он не к месту. Или слишком к месту. Батюшка, кажется, сейчас их обоих заточил бы в подземелье Беспросветное: и зятя, и художника... Надо выручать!

— А тапок? — спрашиваю с неотступной любознательностью.

— Вот с ним непонятно, — признаёт господин следователь.

— Значит, дело не закончено!

И попробуйте только у меня ссориться в ходе следствия.

* * *

Монаха Нэхамбо, конечно, знает весь город. Но по-настоящему я с ним познакомилась только этой осенью. Когда мне рассказали, что пьёт мой супруг именно с ним.

Всё из-за бывшего государя, как всегда. Ему в монастыре поручили ученика, и господину Унрину это неожиданно понравилось. А нрав у него такой: больше чем на одного человека его внимания не хватает. Не понимаю, как он царствовал! Так или иначе, господин Хатидзё, окончательно покинутый своим Государем...

А человек он мягкий на самом деле и стеснительный, поэтому дома стал появляться реже прежнего. Нэхамбо — тот заходил. Иногда с поручениями, а то и за милостыней. Всегда трезвый, кстати, и не похмельный.

Вот однажды я его и спрашиваю:

— Расскажи мне, наставник, чего я не знаю про собственного мужа. И каков он во хмелю?

Нэхамбо ещё больше перекосялся лицом:

— Плох. Со знанием дела напивается, по-жречески. Напиток-то божий.

— И что ты тут присоветуешь?

— Не знаю. Может, ему полезно было бы тоже сообщить, чего он не знает про собственную жену...

Всё-таки хорошие соглядатаи в доме Ямадо.

— Ладно уж, — отвечаю. — Только я лучше с ним сама поговорю.

С Нэхамбо я ему записку и послала. «Приходи срочно, тут — такое...» Если человека как следует напугать, он сразу протрезвеет, так батюшка всегда говорил.

Пришёл. Срочно. Принюхивается, уж не горела ли усадьба и не болен ли кто, нет ли скверны. А нет — у меня другое было припасено:

— Слушай, — говорю, — у нас же с тобой дитя будет! Что делать-то?

Он не испугался и не разгневался, но задумался. Если время рассчитывать, то, конечно, никак не получается.

— Ну так что же тут можно делать? Носить да рожать.

По лицу его, как обычно, ничего не поймёшь. Только голос — выдаёт. И выдаёт он радость.

Не то чтоб господин распорядитель вообразил тут чудо: полтора года целомудренного брака — и вдруг! Нет, он, получается, сам признался: всё я понял давно про тебя и про китайца, и по мне это — хорошо. А теперь, значит, и богам нашим Облачным по сердцу пришлось...

— Но мне же все будут давать советы! И матушка, и кормилица, и госпожа Намма, и Рю, и остальные...

— Можно выслушать, откинуть всё, что не повторяется, а насчет остального посмотрим: вдруг что пригодится... Ты, главное, им пугать себя не давай.

И дальше уже деловой разговор пошёл: что в дом нужно, что в Конопляное святилище, что в храм, о каком молении просить настоятеля Арэна... И разговорами он не ограничился. Всюду похлопотал, в

доме чаще бывать начал, а главное, бросил пить. Вроде бы совсем бросил, если верить Нэхамбо.

Тогда, осенью, я вообще-то не знала, будет дитя или нет. Оказалось — не соврала.

Страшно!

Рэй, как узнал, куда больше засуетился. Одних благовещих картин нарисовал шестьдесят четыре листа, все переборки в доме ими оклеил. Всё больше овощи и плоды. И надписи непонятные, и от китайских лекарей разные снадобья... Я один раз любопытствовала, что там намешано, — потом уже предпочла не спрашивать.

Было дело утром, как раз когда первый снег выпал. Выходит Рэй во двор — и нет его что-то долго. Возвращается — весь в слезах! Падает со мною рядом, возле постели, и плачет, и по-своему что-то говорит. Еле я от него добилась, что стряслось.

Оказывается, около нашей уборной в саду подстерегли его трое земляков. Они тайно бежали из страны То, а матушка Рэя им сказала: сына моего найти сможете на Облачных островах, в тамошней Столице, на Восьмой улице. Про нужник, кажется, всё-таки не уточняла.

Но это значит: во-первых, Рэй расслабился тут у нас сверх всякой меры. А если бы не просто земляки, а враги за ним явились? Старые счёты сводить, от властей императорских или от китайского жулья. И прибили бы его прямо тут на нашем дворе. А то и усадьбу подожгли бы! Да пусть бы даже и друзья: что, если бы не Рэй первым на них наткнулся, а домоправитель наш Селезень? Или кто из женщин? Или, хуже того, господин Дзэхэй, домовладелец? Правда, господин хоть по-китайски объясняется...

Во-вторых — матушка жива! И не просто жива, а достаточно благополучна, чтобы давать наказания всяким беглецам. Не повод ли для слёз радости?

А в-третьих, мать знает, что и Рэй жив. Знает, где он и как живёт. Это всё господин Дзэхэй, бывший

посол: он передаёт ей от Рэя весточки.

— А я, бессердечный сын... Я, бестолковый слуга... Я же и не думал, что господин... для меня... такую милость...

Ну, конечно: он теперь недостоин, чтобы господин Дзёхэй его в сыновья принял. И здесь реветь недостоин, и вообще, вообще... Пришлось утешать.

Я потихоньку на этих троих посмотрела. Они не братья, но связаны общей судьбой. Прозвание у них одинаковое — У. Зовутся У-Большой, У-Средний и У-Меньшой. Легко запомнить. Однажды встретились и решили вместе промышлять. И бежали тоже вместе: император на них нарекания имеет, как и на Рэя. А о сёстрах их сейчас заботится рэева матушка. Обеспечила их кровом, столом, работой и полезными знакомствами. Сколько этих сестёр, я так и не поняла.

Сложнее всего было объяснить Селезню и Уточке, что это за гости и почему ходят они к нам обычно через забор. Селезень меня послушал, послушал, потом заявил: я с ним сам потолкую. И кажется, потолковал! Как — понятия не имею.

* * *

На другой день, с утра, неожиданно появляется Рю. Ей можно самую тайную переписку доверять: читать моя воспитанница так и не выучена. Я уж сколько раз пробовала с ней заниматься, но как-то мы всё время отвлекались...

Пишет госпожа Намма, мачеха моя. И опять насчёт переезда, но на этот раз, кажется, всё правда плохо. Ей пересказала госпожа Парчовая Изнанка, как отвечал недавно господин глава дома нашего Асано на расспросы об одной своей внучатной невестке. «Беременна, кажется... — И как себя чувствует? — Не знаю. Их каждый раз увозят подальше, чтоб скверны здесь не было, а куда? Даже не знаю... — Но, господин Конопляник... — Да ничего. Они потом возвращаются с

младенцами, как правило. Или не возвращаются...»

Это всё к тому, что я с господином Асано теперь в том же родстве: жена его внука. Так что мачеха с подружками пыталась уже наводить справки — а куда таких отвезят? — Толком не понятно. Кто говорит, в усадьбу в двух днях от Столицы, а кто — вообще в имение по ту сторону гор, в родовые земли. И что особенно неприятно, сопровождают их только особые люди главы дома. Никаких старых слуг, никаких мужей, никаких китайцев...

В общем, тут она права: надо посоветоваться. Авось что-нибудь придумаем до того, как подключится моя собственная матушка, потому что тогда потихоньку уже ничего сделать не удастся. Так что я опять вызвала моего супруга, и мы все в носилках отправились к бабушке в усадьбу. Только что без троих У.

Бабушка на службе, братец при Государе. Сидим как заговорщики.

— Может быть, тебя украсть? — предлагает Рю. — Спрятать в землянке и распусть слух, что там живёт оборотень.

— Нет-нет, это дурная примета — рожать в логове оборотня! — всполошилась госпожа Намма. — Господин Хатидзэ... а нет ли у тебя на примете уединённого монастыря? Женского, конечно.

— Не уверен, — грустно отвечает мой супруг, — что это лучшее место, чтобы скрываться от главы Обрядовой палаты. А впрочем...

— А какие для этого нужны грамоты? — любопытствует скромно Рэй. — Чтобы не впопыхах...

Даже жалко, что место, где прятали господина Тобаку, уже раскрыто!

И тут наш Урасака докладывает:

— Там к барину пришли. Их много! И двое, кажется, не в себе.

Мы, конечно, сидим в углу за занавесом, но отсюда ничего слышно не будет. А вдруг это уже от господина Конопляного... Продвигаем осторожно занавес вместе с

рамой поближе к дверям.

Супруг мой выходит на крыльцо. И поспешно спускается, кланяясь.

А там — двое господ в почтенных летах. Один в должностном платье пятого ранга, другой в домашнем халате. За ними слуги, носильщики, а чуть сбоку — пять или шесть монахов, совсем дряхлых, шеи вытягивают.

— Почтение наставникам! — говорит им господин распорядитель. А уж потом и мирянам отдаёт поклон, — Господин смотритель ворот, господин прежний хранитель сокровищницы... Увы, тесть мой сейчас в Приказе. Могу ли чем-либо...

Так это и есть два Комы? А монахи при чём?

Вот тоже: как быть? Не предусмотрено в доме у следователя Наммы, как без него гостей принимать. Если это правда гости, а не приказные соглядатаи. К себе в покои батюшка чужих пускать запретил. К брату тоже нельзя, там беспорядок.

В итоге господин Хатидзё просит всех пройти в сад. Там, конечно, слива в цвету и всё красиво, только сыро. Но можно смотреть с садового крыльца. Это значит, всё шествие с монахами огибает дом. А мы опять двигаем занавес и пересаживаемся...

Разместились. Тот господин Кома, у которого спина круглая, говорит:

— Ты только не беспокойся. С племянником... э... нашим — всё в порядке, готовится к отъезду. Теперь у нас несчастье.

Другой, с угловатой спиной, сердито объясняет:

— Раз уж твой тесть за наши беды взялся, вот тут для него — ещё одна.

И достаёт из рукава что-то. Показывает моему супругу. Добавляет:

— Нам в Приказ сейчас с этими, — кивает на монахов, — сам понимаешь, нельзя. А отпустить их тоже считаю неуместным. По всему городу разносут...

С наставниками Закона в дворцовые ворота не пропустят: нечисто, они ж покойников поминают.

— Мы не можем вас покинуть, не завершивши обряда, — молвит кто-то из монахов, — мы уже начали приуготовление...

— То-то и оно, — обрывает его смотритель ворот.

— А что это? — муж мой приглядывается к той штуке, что у Комы в руке. И нарочно для нас, нам-то не видно, переспрашивает, будто дурак, — какая-то туфля?

— Давай так. Я тебе сейчас всё кратко изложу. Это не для записи дело. А ты сходишь в Приказ и передашь среднему советнику всю суть. Мы в долгу не останемся.

— Ну что ж...

— Так вот. Мой... наш племянник оказался в дурацком положении перед всем начальством. Да ещё и неможется ему. Я послал в наш храм, моление чтоб справиться, прямо у меня в усадьбе. О здравии и прощении. Помост разборный доставили, собрали, циновками застелили. Монахи подтягиваются, служки. Расставляем утварь. И глядь — курильниц нет!

— Ни одной?

— Главной нет! Родовой, из царства Кудара! Только что я сам ларец проверял: была. А вдруг вместо неё — вот эта дрянь!

И потрясает туфлей.

— Бросаюсь к братцу, — рассказывает господин Кома дальше. — Дай, думаю, у него одолжу! Проверяем: так и его курильница сгинула!

— А вместо неё... — господин Хатидзё косится на второго Кому.

— А вместо — ещё гаже! Дай-ка сюда, — велит господин смотритель брату.

Тот мнётся:

— Может быть, лучше подождать господина советника... Дело-то государственное...

— У советника должно быть основание всё бросить ради нас! Там в Приказе все дела — государственные! Давай!

С великим смущением прежний хранитель

сокровищ вытаскивает какой-то листок.

Господин Хатидзё читает. Моргает. Перечитывает.

— И... Вы полагаете, господа... По-вашему, такое мыслимо?

— Немыслимо! Иначе б вас и не тревожили!

— Совершенно невозможно...

— Прошу вас оставаться тут, — решительно говорит распорядитель. — Я сейчас же бегу за господином следователем.

Разве что не добавил: промедление губительно! И нет бы через дом пройти к воротам, а заодно и нам объяснить, что там такого небывалого написано.

Батюшка, не чета моему супругу, явился через хозяйственный двор. И не сразу бросился допрашивать господ Ком по второму разу, а сперва затаился у нас. К Комам же выслал господина Хатидзё с сообщением, что следователь скоро будет.

Пришлось ему сесть на садовом крыльце. И поделом: пока он бегал, мы уже наслушались пререканий между братьями и монахами. Выяснилось: мало того, что оба Комы друг друга в краже обвиняют — с разной степенью прямоты — но у старенького монаха тоже есть своё мнение. Подействовал закон воздаяния, считает он: благодетели наказаны за собственную скупость. Вот если бы, ради исцеления племянника, двое дядьёв прислали людей очистить канаву в храме Кудара... Господину распорядителю ничего не осталось, как присоединиться.

Батюшка сел. Посопел. Сравнил две туфли. Они непарные: сходство кончается на том, что обе драные и самые дешёвые. Попросил ещё раз пересказать всё, что мы подслушали. Только мы дошли до того места, как в дом смотрителя ворот принесли молельный помост, — поднял веер:

— Ну-ка! А кто его принёс — говорилось?

— Вроде бы нет...

— Помост, даже разобранный — громоздок! Шайка,

что его приволочь смогла, в состоянии полдома вынести!

— Так ведь заметили бы?

— А вот это как раз ещё вопрос! — Развернул веер, обмахнулся. Весна правда на редкость тёплая. — Последнее время мне то и дело почему-то попадаются грузчики. Одни и те же. И носят непонятно что непонятно куда.

— А что за грузчики? — осторожно любопытствую я.

— Трое: повыше, пониже и совсем мелкий. Головы замотаны какими-то тряпками. Изъяняются нечленораздельно — от скромности или по иной причине...

Ой. Не нравится мне такое совпадение примет.

Батюшка складывает веер, со вздохом лезет в рукав:

— Ладно, уточним. Вернёмся к письменным доказательствам. Очень удачно, что среди нас присутствует сегодня знаток материковых почерков. Включая старинные, не так ли?

И протягивает Рэю через загородку тот самый листок, который Кома принёс:

— Что тут, по-твоему, написано, что это за неуставной писарский пошиб — и вообще, какие будут наблюдения?

Рэй пошуршал, покашлял. Сказал:

— На Облачном наречии это будет примерно так. «Горе расхитителям царского достояния и их потомкам на сто поколений! Сокровища земли Кудара — да вернутся в землю Кудара!» По начертаниям знаков, действительно, кударские письма полуторасотлетней давности. Но по туши и бумаге я бы так не сказал...

— Да с бумагой-то всё ясно, — говорит следователь Намма. — Наша бумага, из края Ямадо. На ней вся Столица пишет.

— Такими знаками?

— То-то и оно, что не такими. Кто у нас может знать

старинный заморский почерк?

— Наверное, потомки рода Кома... Может, в их храме тоже... Или кто-то раздобыл образец старинной посольской переписки... Но неужто там, в Кударе, кто-то собирается воевать за восстановление своего царства, против захватчиков? Да что я говорю — «там»! Они, выходит, сюда пробрались...

Через переборку Рэй не видит батюшкиного лица. А я-то вижу. Влипли мы, кажется.

— А этот образец сейчас при тебе? — безмятежно спрашивает господин следователь. — Будь любезен, давай его сюда вместе с запиской. Я сам сравню.

Рэй молчит. Потом восклицает:

— Что за ужасные подозрения?!

А потом добавляет:

— Нет у меня образца. Я — по памяти.

— Великое сокровище — вместительная память, — со вздохом соглашается батюшка. И взмахивает рукавами, — Но зачем? Тебе-то что до царства Кудары?

Рэй опять медлит. Госпожа Намма придвигается ко мне. Женщине в моём положении вредно волноваться. А сейчас, похоже, будет о чём.

— Узы дружбы, — начинает Рэй с расстановкой, — нерасторжимы на протяжении пяти перерождений.

Господин следователь косится на дверь в садик.

— Узнаю Восьмую улицу. Дальше. Ты друг законного наследника Кударского царства? Тамошнего Левого министра в изгнании? Или я слишком робок в домыслах, и ты сам...

Ну, ещё бы. Не успел внук дома Асано на Восьмой улице свести дружбу с загадочным иноземцем, как тот из простого жулика оказался царевичем незнамо какого государства. С далеко идущими замыслами насчёт престола.

Рэю пора бы уже по батюшкиному голосу понять, что дело совсем плохо. Так господин следователь не говорит ни со знакомыми, ни с домочадцами, ни с домочадцами знакомых, даже когда уличает их в

многотысячном казнокрадстве. С таким выражением, наверное, лет пятьдесят назад изъяснялся старый Конопляный господин...

— Не царевичи и не министры, — сердито отвечает Рэй. — Они моей матушке помогали. От неё досюда без гроша добрались. Могу ли я повести себя с ними, как скотина?

— Ну, у тебя был выбор, — господин Намма, похоже, нимало не тронут, — с кем вести себя, как скотина. Нашли время!

Ну конечно, кто бы сомневался. Теперь ещё и я окажусь во всём виновата! И муж, потому что попустительствовал.

Батюшка на меня взглядывает. На живот, не в лицо. И видно, что думает: это ведь вы моего внука или внучку пытаетесь загубить своими забавами!

Дитя ворочается. Мне, мол, ничего, меня так просто не заморишь. Да кто тебя пока что слушать-то будет?

— Батюшка, — говорю. — Эти трое... ну да, конечно, ты про них знаешь. Но они правда приехали от рэевой матери, и вообще — там сейчас война. Денег у них нет. Работы не найти, пока Облачного наречия не освоят. А оно, оказывается, сложное. Вот на это время...

— На это время они решили промышлять кражей чужого имущества? Из приличных домов? И у меня под носом? Не стоят такие твоего заступничества.

— А они ж не просто чужое имущество воруют, — поправляю я. — А только уже краденое. Например, у этого заморского царя. Я бы даже сказала — изымают...

— Тяжко им, видать, на чужбине... — вздыхает мачеха.

Господин следователь поднимается на ноги. Поворачивается всем телом, обводи взглядом нас с мачехой, Рэя за загородкой, супруга моего за дверью... Глухо произносит:

— В общем, так, заговорщики. Курильницы — вернуть. Немедленно. Безвозмездно. Впрочем, нет — я

за них вам отдам эти ваши... тайные знаки... — и потрясает туфлями.

— Обратно в дом смотрителя ворот и бывшего хранителя сокровищ? — уточняю я.

— Только этого не хватало! Сюда. Мне. Под видом носильщиков, перетаскивающих в родительский дом твою утварь. Тщательно упакованную!

— Хорошо, — грустно откликается Рэй. — Только, может быть, этих курильниц у нас уже и нету...

Тут с садового крыльца входит мой супруг. Облегчённо вздыхает:

— Уф! Насчёт канавы они, наконец, вняли увещаниям — будут забирать в трубу! Пока господа Комы договариваются, кто из них этим займётся, хоть дух переведу! А... что это с вами?

* * *

К вечеру и гостей, и монахов выпроводили, посулив помочь. Рэй отправился искать этих своих друзей в пяти перерождениях. Господина Хатидзе батюшка сдержанно попросил присмотреть за домом на Восьмой улице, а то мало ли что...

А я ночую в своём старом покое. Рю осталась со мной. Батюшка злится, мачеха тревожится, братец ничего не замечает. А сестрица замечает, но ещё не понимает.

Только под утро собралась я хоть немножко поспать — Рю вдруг вскакивает и шепчет:

— Там кто-то есть!

— Где?

— Снаружи, за переборкой. Пойду посмотрю.

Она вообще хорошо умеет ходить неслышно. Не попадётся, не то что я сейчас. Но что же это — батюшка прав? Доигрались?

Незнакомый голос из сада. Шепотом, но слышным:

— Для твоей госпожи.

Рю возвращается: нож в одной руке под рукавом, а

в другой — сливовая ветка. Не с нашего дерева, но тоже ничего.

— Тут письмо привязано.

Кому это, хотела бы я знать. Сестрёнке — рановато. На госпожу Намму не похоже.

Кто-то за мной следит и показывает: знаю, мол, что ты здесь?

Страшновато! Но читаю:

*Первую зелень
На поле туманном мне
Просто сыскать ли?
Под прошлогодним листом
Здесь ли найду, что искал?*

Почерк незнакомый. Это, конечно, ещё ничего не значит. Но вряд ли Рэй именно сегодня пустился в Облачное стихотворство.

— А он какой? — спрашиваю у Рю.

— Кавалер видный. Постарше нашего господина, ненамного. Одет богато. И в подпитии.

Ещё пьяные ко мне не шатались по ночам! Это и называется — слухи расползлись по Столице? О моём легкомысленном поведении...

— А чего ему надо?

На этот раз Рю нету дольше. Потом из-за перегородки опять громкий шепот:

— Нуждаюсь в совете. По поводу Облачной обители. А ведь известно: тамошними делами госпожа распорядительница заправляет, не кто иной...

Ну, если про нас такие гадости рассказывают, это ещё ничего.

— И что жестряслось в обители? — спрашиваю.

— Мне тут предложили приобрести кое-что в дар. Чтоб монахам поднести. Да не ошибиться, как в прошлый раз, а то неловко вышло... Оно, конечно, хорошо, когда храм сам намекает, чего ему надо. Но как-то уж... В общем, сомнительно. И почему бы не

прислать этого их, красноречивца...

— Наставника Нэхамбо?

— Вот-вот. А тут — письмо. Не хотелось бы попасть впросак. И перед распорядителем, и перед настоятелем, и перед наставником моего оболтуса.

Ох, кажется, знаю я, что это за оболтус. И что за наставник.

— А что за дар?

— Звери, — отвечает. — Собака и лев, написано. Медные. Нет ли в том какого-то намёка?

Если это он над нами всеми издевается — ещё о том пожалеет. Но пока ничего не остаётся, как поддержать эту игру. И попробовать выиграть.

— Проницательность загадочного незнакомца достойна изумления! — шепчу. — Действительно — неудобно получится, а может, и хуже того. Звери-то эти — краденые. Из семьи господина наместника.

— Какого наместника?

— Только между нами! Наместника Подгорного края!

Вообще изящному кавалеру, беседуя перед рассветом с дамой, никак не подобает употреблять слов, которые мне слышались. Но, кажется, употребил!

— Так... Спасибо, — с запинкою выговаривает ночной гость. — То есть это меня пытаются выставить вором? Украл, дескать, вещи у родни своего преемника — и хвалится, в храм подносит?

Что ты вор, господин Оданэ, и без того известно. Но — казнокрад, а не грабитель.

— Боюсь, что опорочить пробуют и тебя, и господина наместника, и его родню. И возможно — не столь перед обителью, сколь перед домом Ямадо.

— Понятно, — глубокий вздох. — Кто нас перед Ямадо подставляет, уж и не спрашиваю.

— Не сомневаюсь, что догадаться несложно. Но и супругу моему это было бы... неудобно. Так что вот: а не доставишь ли ты, любезный гость, их сюда?

— Выкупить зверей и принести распорядителю?

Или среднему советнику? Как-то это...

— Да не им, а мне! И зверей, и тех, кто их пристраивает, — тоже притащить! В глубокой тайне — и потом о них можно будет забыть.

—Эге... — гость, похоже, задумывается, потом как-то странно фыркает. — Счастлив буду исполнить желание прекрасной госпожи! Доставлю! Привязанными к цветущей ветви... ну, подберу, в общем, к чему привязать!

И исчез.

— Значит, верно рассказывают про господина Оданэ, — укладываюсь я поудобнее, — что он ещё и волокита. Как выпьет, так сразу и пойдёт... по дамам.

— И ни в чём им не отказывает, — кивает Рю.

* * *

За ночь всё, конечно, успеть не удалось. Утром батюшка отправился на службу, потому что праздники как-то незаметно кончились. А как вернулся он домой пообедать — тут я и решила его обрадовать.

— Господа Комы, — спрашиваю, — больше не тревожили?

— Я от них спрятался, — сумрачно говорит господин следователь. — Но зато в Приказе уже все только об этом и говорят: лев и собака? Какие лев и собака?

— Эти, что ли? — любопытствую этак небрежно и покрывало с них стаскиваю.

На самом деле, по-моему, сейчас у нас курильницы делают не хуже, чем в старые времена в царстве Кудара. К тому же эти звери столько всего перенесли... И не только за последние дни: их, похоже, лет двадцать не чистили. Половина дырочек забилась.

Батюшка смотрит на собаку. На льва. На меня. Обводит взором покой.

— Я китайцев отпустила, — говорю. — Чтоб чего не стащили ненароком.

Господин Намма выпускает вздох. Загадочно — то

ли тяжкий, то ли облегчённый. Мог бы вообще-то и спасибо сказать!

— Только всё равно, батюшка, я кое-чего не поняла. — Я ведь женщина скромная, не всё ж умничать! — Эти трое подложили туфлю, потому что нечаянно узнали про ту, у бывшего хранителя сокровищницы...

— Не будем уточнять, от кого они о ней узнали, — сухо произносит господин следователь. Сердится ещё, что ли?

— Не будем. Но вот откуда она у первого-то Комы в ларце взялась? Точнее, зачем? Весить она никак не весит столько, сколько эта собака, с виду тоже не спутаешь...

Батюшка со значением поднимает веер:

— Полагаю — исключительно для отвода глаз! Китайцы как раз в такое обуваться могут. Но не стремянный господина Тохаку и не сам наместник — у них и платье, и обувь военного образца! Бывший хранитель, думаю, никак не заподозрил бы их по такой примете, даже если бы туфля попала ему в руки.

— А кстати, — спрашивает мачеха, — что же теперь будет с несчастными влюблёнными?

Господин Намма сердито фыркает:

— С чего бы это им быть несчастными? Отправятся с Тохаку в Подгорье — в Столице их никак нельзя оставлять! Подобные женщины бывают болтливы! А там — уж как устроятся. Должен же этот стремянный быть на что-то годен! Во всяком случае, не беспокойся — топиться они все втроём явно не собираются.

Я говорю:

— Только знаешь, может, не стоит эти курильницы просто так возвращать? Я тут посоветовалась с наставником Нэхамбо...

Батюшка выслушал, согласился и поспешил обратно на службу. С видом: глаза бы мои не глядели на китайцев, монахов, львов и собачек!

Это он зря надеялся. Потому что вечером Рэй

явился-таки, вместе с моим супругом. Лицо торжественное, в охапке — большой свёрток шуршит.

— Премного сожалею, что доставил столько огорчений этому почтенному дому, — говорит Рэй самым сокрушённым голосом. — Стремясь искупить хоть долю вины, преподношу скромный дар. Для младших поколений, ибо старших одаривать сугубо недостоин.

В свёртке — корзинка, в корзинке — подстилка, на подстилке — собака. Не медная, а живая, беленькая в пятнышках. Щенок ещё, но уже глазками смотрит. Вот мне, когда я маленькая была, такого никто не дарил!

Батюшка в корзинку заглянул. Они со щенком друг к другу приняхались. Пока — недоверчиво. Но прежде чем батюшка успел высказаться, его отстранила кормилица. Вытащила пёсика, ощупала, оглядела с пристрастием. Прислушалась к его вяканью. И одобрила:

— Здоровый. Вырастет!

Ну, в таких делах, по части малых детей, батюшкина кормилица ошибаться не может. Так что к встрече со скромным даром допустили сестрицу. Она вышла, глазами похлопала, встала тоже на четвереньки и пошла на него. Дар не струсил, и стали они друг друга облизывать. И повизгивать.

Наблюдая сие трогательное зрелище, братец мой молвил:

— Пса надлежит вручать, держа за шлейку шуйцей, десницей же указуя на хозяина. Как сказано в «Обряднике».

Только шлейки пока нет. Это уж госпожа Намма и Рю сошьют.

Отвергать дар батюшке уже поздно. Но последнюю попытку он делает. Спрашивает Рэя сурово:

— Где взял?

— Он не жертва хищения, — кивает Рэй на щенка. — Его поднесли монахам: для отпущения на волю. Вместо птичек. А как же на волю, когда животное домашнее? Мы его и забрали для барышни.

— Мы? — приподнимает батюшка бровь.

Господин распорядитель уже открыл было рот: взять вину на себя, если тут есть вина. Но сестрица моя его опередила. Поднял палец, навела на Рэя, твёрдо заявила:

— Хороший!

Ну, тут уж ничего не возразишь...

Весь вечер хороводились вокруг щенка. Рю давала охотничьи наставления. Брат цитировал незнамо что. Когда сестрицу подхватили вместе со щенком и понесли спать, она опять указала на Рэя:

— Теперь — лев!

— Конечно, барышня! — кланяется китаец. — Нарисую тебе такого льва — пятицветного!

Плохо он знает барышню Намму! Нахмурилась, грозно уточнила:

— Живого!

Нэхамбо, монах из храма Облачной Роши

— Было это близ Срединной Столицы, в первый месяц весны, в третий год Западного Ветра. Двое служилых господ, двоюродные братья, долгие годы жили в разладе. И храм свой забросили в небрежении, поглощённые распрей.

Сталось однажды так: созвал один брат монахов для обряда. Хотел вынуть из сундука для такого случая драгоценную курильницу заморской работы. Медного Льва. И видит: нет курильницы, украдена! Заподозрил брата, бросается к нему — а тот уж навстречу поспешает, и тоже в гневе. В тот самый час проверял он так же свою сокровищницу — и не нашёл Медного Пса, курильницы столь же ценной, парной ко Льву. И тоже родича винит.

Долго они препирались. Позвали стражу Государеву, та ищет — ничего не находит. Решили, наконец, в храме молить о знамени: где искать

пропажу?

А в храме том монахи им говорят: не можем надлежаще обустроить моление! Ибо, как каждую весну, подтопляют нас талые воды с гор, и вся святыня грозит рухнуть. Минули, говорят, времена Просветлённого, прошли века подвижничества и прилежного ученичества, и вот, истекает век храмового строительства — близится пора раздоров!

Надобно знать: упрямы нравом были оба брата-мирянина. И услышав такое, говорят: никогда мы вслед за веком не влеклись, и нынче не поддадимся! А против вашего потопа средство есть — надо воды в канаву отвести.

Вызывают землекопов. Роят отводной ров. И вдруг — ударяет заступ о что-то звонкое! Пошарили в грязи — а там медь старинная. Пёс! Пошарили ещё — Лев!

И тут начали братья спорить: кому из них это знамение явлено. Вот уж заново распря разгорается. На счастье — проезжал мимо храма их общий племянник: человек годами не старый, но разумный и добронравный, щедрый даритель Общины. Даёт почтительный совет: чем ссориться между собою, поднесли бы вы, дядюшки, обрётённые сокровища в дар обители!

Так братья и сделали.

В том храме теперь курильницы и стоят, перед главным изваянием. Лев ревёт: «А-аа!», Пёс ворчит: «Ун-нн...», а Просветленный их слушает.

И вот вам пример, как дарительская щедрость превозмогла долгую семейную вражду!

